НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (SCIENCE AND EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS)

Материалы Международной научно-практической конференции 29 октября 2026 года (г. Прага, Чехия)

© Vydavatel **«Osvícení»**,
© НИЦ «**Мир Науки**»
2026

Научно-издательский центр
«Мир науки»

Vydavatel **«Osvícení»**

Материалы Международной (заочной)
научно-практической конференции
под общей редакцией **А.И. Вострецова**

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (SCIENCE AND EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS)

научное (непериодическое) электронное издание

Наука и образование: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / Vydavatel «Osvícení», Научно-издательский центр «Мир науки». – Электрон. текст. данн. (1,45 Мб.). – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2026. – 1 оптический компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь. – Загл. с тит. экрана. – Электрон. текст подготовлен НИЦ «Мир науки».

© Vydavatel «Osvícení», 2026
© Научно-издательский центр «Мир науки», 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Классификационные индексы:
УДК 001
ББК 72
Н34

Составители: Научно-издательский центр «Мир науки»
А.И. Вострецов – гл. ред., отв. за выпуск

Аннотация: В сборнике представлены материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Наука и образование: проблемы и перспективы», где нашли свое отражение доклады студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников вузов Российской Федерации, Казахстана и Республики Беларусь по экономическим, педагогическим и другим наукам. Материалы сборника представляют интерес для всех интересующихся указанной проблематикой и могут быть использованы при выполнении научных работ и преподавании соответствующих дисциплин.

Сведения об издании по природе основной информации: текстовое электронное издание.

Системные требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь.

© Vydavatel «Osvícení», 2026
© Научно-издательский центр «Мир науки», 2026

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

НАДВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Сведения о программном обеспечении, которое использовано при создании электронного издания: Adobe Acrobat Reader 10.1, Microsoft Office 2010.

Сведения о технической подготовке материалов для электронного издания: материалы электронного издания были предварительно вычитаны филологами и обработаны программными средствами Adobe Acrobat Reader 10.1 и Microsoft Office 2010.

Сведения о лицах, осуществлявших техническую обработку и подготовку: А.И. Вострецов.

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Дата подписания к использованию: 30 октября 2026 года.

Объем издания: 1,45 Мб.

Комплектация издания: 1 пластиковая коробка, 1 оптический компакт диск.

Наименование и контактные данные юридического лица, осуществившего запись на материальный носитель: Научно-издательский центр «Мир науки»

Адрес: Республика Башкортостан, г. Нефтекамск, улица Дорожная 15

Телефон: 8-917-36-96-471

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

А.А. Гарганчук, П.Ю. Попова, Ю.А. Джевало Биохимические предикторы и ранняя диагностика нарушений функции яичников у коров 7

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

З.Н. Нурлигенова, З.Ч. Раджобова, И.М. Алмазов Эксклюзивное образование: современные тенденции и перспективы развития 13

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.М. Волкова Разработка стратегической модели развития конверсионных операций коммерческого банка в условиях внедрения цифровых валют: сценарии внедрения и оценка эффективности модели 19
О.А. Моракинио Организационно-экономический механизм функционирования рынка образовательных услуг Федеративной Республики Нигерия 27

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.М. Дәулетхан Құндылықтардың адам өміріндегі орны 33

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Д.А. Иванова Методические приемы развития эмоционального интеллекта младших школьников как фактор снижения адаптационной тревожности 40
A.Zh. Nurgalieva, A. Bakhyt English as a key to information on the internet 44

У.В. Румянцева, Д.А. Сороковова Обучение прагматической компетенции английского языка с помощью генеративного ИИ 49

В.В. Рыбников, В.В. Рыбников Разработка программного модуля на основе компьютерного зрения для анализа биомеханических ошибок в циклических движениях (на примере единоборств) 54

Д.А. Сороковова, У.В. Румянцева Невербальные средства коммуникации в деловом общении в английском и французском языках в контексте применения искусственного интеллекта 59

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Е.С. Ефременко Уровень триглицеридов в крови при коронавирусной инфекции 64

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Л.А. Муравьёва Бестекстовые хоровые сочинения второй половины XX-XXI веков 69

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Ожгихина, Л.Ю. Беленкова психосоциальные аспекты возникновения расстройств пищевого поведения у женщин 74

В.А. Чемоданова, Б.М. Басангова типы семейного неблагополучия как предикторы девиантного поведения в подростковом возрасте 83

А.А. Гарганчук,
старший преподаватель,
П.Ю. Попова,
старший преподаватель,
Ю.А. Джевало,
студент 4 курса напр. «Ветеринария»,
Смоленская ГСХА,
г. Смоленск, Российская Федерация

БИОХИМИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ И РАННЯЯ ДИАГНОСТИКА НАРУШЕНИЙ ФУНКЦИИ ЯИЧНИКОВ У КОРОВ

Аннотация: в работе представлены результаты сравнительного мета-анализа биохимических показателей сыворотки крови у крупного рогатого скота при основных формах дисфункции яичников: гипофункции, персистентном желтом теле, а также фолликулярных и лютеиновых кистах. Проанализированы данные отечественных и зарубежных библиографических исследований за 2014-2025 гг. на общем поголовье более 200 животных. Показано, что при фолликулярно-кистозной патологии наблюдается выраженный дисбаланс липидного обмена со снижением триглицеридов на 35% и повышением холестерина на 10% ($p<0,01$). Установлено, что универсальными ранними маркерами риска развития овариальной патологии служат уровень неэстерифицированных жирных кислот (>0,50 ммоль/л) и кальция (<2,02 ммоль/л). Диагностическая чувствительность комплексной оценки биохимических и гормональных показателей достигает 85-90% в дифференциации различных форм кист яичников. Полученные данные могут быть использованы для оптимизации программ диспансеризации и ранней диагностики репродуктивных нарушений у высокопродуктивных коров.

Ключевые слова: нарушение функции яичников, крупный рогатый скот, биохимические маркеры, липидный профиль, ранние предикторы, сравнительный мета-анализ.

Введение.

В современной ветеринарной репродуктологии накоплен значительный объём данных о гормональных нарушениях при дисфункции яичников у коров, однако гормональный профиль, будучи высокоспецифичным, не всегда позволяет выявить первопричину патологии и осуществить раннюю (субклиническую) диагностику. Как было показано в первой части настоящего исследования, иммунологические и гормональные маркеры эффективно дифференцируют уже сформировавшиеся формы овариальной патологии, однако для выявления животных группы риска на ранних сроках после отёла требуется анализ метаболических параметров.

В современном скотоводстве, ориентированном на наращивание молочной продуктивности, проблема нарушений репродуктивной функции яичников приобретает характер эпизоотии. Селекция по удою, генетически ассоциированная с усилением метаболического стресса, привела к тому, что частота проявления «тихой охоты» и ановуляторных циклов в стадах с удоем более 8 000 кг молока достигает 47%. Хроническая гипофункция яичников (ГФЯ), персистентное желтое тело (ПЖТ) и кистозная болезнь яичников (фолликулярные и лютеиновые кисты) не только являются прямыми причинами бесплодия, но и обусловливают преждевременную выбраковку 15-20% высокоценных животных ежегодно [1].

Традиционная схема диагностики этих состояний, базирующаяся на ректальной пальпации и (по возможности) ультрасонографии, обладает рядом ограничений. Во-первых, она субъективна и требует высокой квалификации ветеринарного специалиста. Во-вторых, позволяет констатировать патологию лишь на этапе её клинического проявления – анафродизии, ановуляторных циклов или эхографически верифицированных кист, когда терапевтическое окно для эффективной гормональной коррекции может быть частично упущено.

В связи с этим особую актуальность приобретает поиск и валидация объективных гематологических, биохимических и иммунологических биомаркеров, способных не только

подтвердить клинический диагноз, но и служить инструментом раннего (субклинического) прогнозирования риска развития овариальной патологии.

Целью настоящей работы является систематизация и сравнительный анализ современных данных о диагностической ценности биохимических показателей периферической крови при наиболее распространённых формах дисфункции яичников у крупного рогатого скота, а также выявление универсальных ранних предикторов овариальной патологии на основе сопоставления референсных значений (контрольная группа) и показателей у животных с подтверждённой патологией (опытная группа).

Методологической основой работы послужил мета-анализ публикаций в рецензируемых научных журналах за период 2014-2025 гг. Отбор источников проводился с учётом строгого разделения объектов исследования на контрольные группы (клинически здоровые фертильные коровы с регулярным эстральным циклом, n=не менее 10 голов) и опытные группы (животные с верифицированным диагнозом конкретной формы дисфункции яичников, установленным на основании ректального и/или ультразвукового исследования в сочетании с анализом анамнестических данных).

В анализируемых работах лабораторные исследования проводились на сыворотке или цельной крови, полученной из яремной или подхвостовой вены в утренние часы до кормления. Диапазоны референсных значений для здоровых животных (контроль) принимались в соответствии с общевидовыми нормами и уточнялись по данным конкретных исследований [2].

В группе коров с сочетанной патологией (ГФЯ + хронический эндометрит) Землянкин В.В. (2024) у 6 опытных животных по сравнению с 6 контролями установил достоверно более низкий уровень общего белка, глюкозы, триглицеридов, кальция и фосфора. На этом фоне отмечено снижение доли палочкоядерных нейтрофилов и моноцитопения [5].

Янич Ф.А. с соавт. (2022) при изучении метаболического статуса у 26 коров с фолликулярно-кистозной болезнью выявил однотипные изменения липидного профиля: снижение триацилглицеридов на 35,00% при одновременном повышении

общего холестерина на 10,20% по сравнению с референсными значениями. При этом отмечалась тесная статистическая корреляция уровня прогестерона с показателями холестерина (r=0,90±0,02) и глюкозы (r=0,83±0,20) [3].

Снижение концентрации альбуминов и холестерина в крови рассматривается не только как маркер, но и как фактор патогенеза ГФЯ. Эксперименты in vitro на культурах клеток гранулезы показали, что альбумин в высоких концентрациях (10–20 мг/мл) подавляет продукцию эстрадиола, а холестерин (2–10 мкг/мл), напротив, стимулирует его синтез, что объясняет механизм влияния дислипопротеидемии на репродуктивную функцию [6].

В проспективном исследовании Song Y. et al. (2021), включавшем 76 многоплодных коров голштинской породы (контроль: 22 головы, фолликулярные кисты (ФК): 18, лютеиновые кисты (ЛК): 18, инактивные яичники (ИЯ): 18), были получены данные, имеющие ключевое значение для ранней (субклинической) диагностики. Анализ плазмы крови, взятой на 3-й и 8-й неделях после отёла, позволил установить, что уже на 3-й неделе у коров, у которых впоследствии развилась овариальная патология, были достоверно повышены концентрации неэстерифицированных жирных кислот (НЭЖК) и снижены уровни кальция, фосфора, магния, аланинаминотрансферазы (АЛТ) и инсулиноподобного фактора роста 1 (ИФР-1) [4].

На основании ROC-анализа установлены ранние пороговые значения предикции овариальных заболеваний: концентрация НЭЖК в плазме выше 0,50 ммоль/л или концентрация кальция ниже 2,02 ммоль/л. Эти биомаркеры отражают глубину послеродового энергетического дисбаланса и метаболического стресса, лежащих в основе большинства форм дисфункции яичников у высокопродуктивных коров.

Заключение (практические рекомендации).

Проведённый мета-анализ литературных данных позволяет сформулировать следующие диагностические принципы:

1. Скрининг риска овариальной патологии целесообразно проводить в период с 3-й по 5-ю неделю после отёла путём

определения в сыворотке крови уровня НЭЖК и кальция. При выявлении значений НЭЖК >0,50 ммоль/л и/или кальция <2,02 ммоль/л животное попадает в группу повышенного риска, требующую углублённого мониторинга и коррекции обмена веществ.

2. Базовый диагностический минимум при подозрении на ГФЯ должен включать оценку уровней эстрадиола, прогестерона и кортизола. Характерное сочетание (эстрадиол <0,2 нмоль/л, прогестерон >6,0 нмоль/л, кортизол >50 нмоль/л) с высокой вероятностью (чувствительность >85%) подтверждает диагноз гипофункции на фоне стресс-индуцированной супрессии репродуктивной оси.

3. Дифференциация кист яичников не может быть достоверно проведена без уточнения гормонального профиля. Низкий прогестерон (<0,7 нг/мл) указывает на фолликулярную кисту, тогда как высокий прогестерон (>1,5 нг/мл) на фоне отсутствия беременности свидетельствует о лютеиновой кисте или персистентном желтом теле. Дополнительным критерием может служить уровень ЛГ: его снижение в 2–3 раза характерно для фолликулярных кист.

4. Комплексный подход, сочетающий оценку минерального (Ca, P, Mg, Cu, Zn) и липидного профиля (холестерин, триглицериды, НЭЖК), позволяет не только верифицировать овариальную дисфункцию, но и выявить её первопричину – системный метаболический дисбаланс – для последующей адресной коррекции, что повышает эффективность терапии более чем на 50% по сравнению с эмпирическими гормональными схемами.

Разработанный алгоритм лабораторной диагностики может быть рекомендован в качестве обязательного компонента программ акушерско-гинекологической диспансеризации в высокопродуктивных молочных стадах.

Список использованных источников и литературы:

[1] Семиволос А.М., Землянкин В.В. Морфобиохимические изменения в крови голштинских коров при сочетанных патологиях матки и яичников // Аграрный научный журнал. – 2016. – Т. 5. – С. 22-25.

[2] Popov L.K., Chernysheva N.A., Timofeev A.N., Timofeev N.N., Mordovin N.A. Morphobiochemical indicators of cow's blood with hepatosis and ovaries cysts // Veterinary Sciences. – 2019. – №2. – С. 12-15.

[3] Янич Ф.А., Янич Т.В., Дерхо М.А. Метаболический статус коров при фолликулярно-кистозной болезни яичников // Животноводство и молочное дело. – 2022. – №1. – С. 14-18.

[4] Song Y., Cheng J., Yu H., Wang Z., Bai Y., Xia C., Xu C. Early Warning for Ovarian Diseases Based on Plasma Non-esterified Fatty Acid and Calcium Concentrations in Dairy Cows // Frontiers in Veterinary Science. – 2021. – Vol. 8. – Art. 792498. – DOI: 10.3389/fvets.2021.792498.

[5] Землянкин В.В. Показатели крови коров при гипофункции яичников и хроническом эндометрите // Ветеринарные науки. – 2024. – №4. – С. 6-11.

[6] Cattáneo L., Barberis F.C., Stangaferro M.L., Signorini M., Ruiz M.F., Zimmermann R., Bo G.A., Hein G.J., Ortega H.H. Evaluation of metabolic and biochemical blood parameters in lactating cows with Cystic Ovarian Disease // Repositorios Digitales MINCYT. – 2013. – С. 4-7.

© А.А. Гарганчук, П.Ю. Попова, Д.Ю. Джевало, 2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

З.Н. Нурлигенова,
м.п.н., старший преподаватель,
НАО КарТУ имени Абылкаса Сагинова,
г. Караганда, Казахстан,
З.Ч. Раджобова,
и.о. доцента,
СамГПИ,
г. Самарканд, Казахстан,
И.М. Алмазов,
студент 2 курса напр. «Системы информационной безопасности»,
НАО КарТУ имени Абылкаса Сагинова,
г. Караганда, Казахстан

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье рассматривается феномен эксклюзивного образования как системы целенаправленной подготовки интеллектуальной элиты в условиях глобализации, цифровой трансформации и становления экономики знаний. Определены ключевые характеристики, сущность и функции эксклюзивного образования, включая его двойственную социальную природу: с одной стороны – как драйвера научно-технологического и инновационного развития, с другой – как фактора воспроизводства социального неравенства. Проведен исторический анализ эволюции данной модели – от античных школ до современных специализированных учебных заведений. Проанализирован международный опыт и представлен сравнительный обзор ведущих практик в Великобритании, США, а также в Казахстане и России. Выявлены ключевые системные противоречия современной элитной школы и предложены перспективные направления её развития, включая меритократическую трансформацию, внедрение цифровых технологий и адаптивных платформ, а также интеграцию передовых методик в систему массового образования.

Ключевые слова: эксклюзивное образование, элитное образование, человеческий капитал; социальное неравенство; экономика знаний.

В условиях глобализации, цифровой трансформации и становления экономики знаний способность государства формировать интеллектуальную элиту специалистов высочайшего уровня компетентности во многом определяет его конкурентоспособность на международной арене. В данном контексте особую актуальность приобретает феномен эксклюзивного образования – системы целенаправленной подготовки, ориентированной на наиболее одарённых или социально отобранных учащихся, охватывающей элитные частные школы, специализированные лицеи и ведущие университеты с жёстким конкурсным отбором.

Актуальность темы обусловлена нарастающим дефицитом высококвалифицированных кадров в наукоёмких отраслях, ограниченностью традиционных массовых образовательных моделей в условиях четвёртой промышленной революции и прямой корреляцией между развитой системой элитного образования и инновационным потенциалом национальной экономики. По данным ОЭСР, выпускники элитных учебных заведений на 30-40% чаще занимают ключевые позиции в бизнесе, науке и государственном управлении [1]. Согласно докладу UNESCO «Global Education Monitoring Report» (2022 г.), страны, инвестирующие в специализированные программы для одарённых учащихся, демонстрируют на 15-20% более высокие показатели технологических инноваций в долгосрочной перспективе [2]. Это свидетельствует о значительном социальном и экономическом влиянии эксклюзивного образования и обусловливает необходимость его всестороннего научного изучения.

Термин «эксклюзивное образование» (от лат. exclusivus– исключительный) обозначает образовательную систему для ограниченного круга учащихся, отобранных по критериям академической успеваемости, творческих способностей или социального статуса. Ключевые характеристики модели: строгий конкурсный отбор, малочисленность образовательных

групп, высококвалифицированный педагогический состав, развитая материально-техническая инфраструктура, ориентация на международные стандарты и активное использование исследовательских и проектных методик, стимулирующих критическое мышление и лидерские качества учащихся.

Согласно исследованиям британского социолога Э. Гидденса, эксклюзивное образование выполняет двойственную функцию: обеспечивает высочайшее качество знаний, формируя профессиональную элиту, и одновременно воспроизводит социальное неравенство [3]. Французский социолог П. Бурдьё рассматривал элитное образование как инструмент воспроизводства «культурного капитала» и легитимации социальной иерархии, указывая, что доступ к привилегированным образовательным институтам определяется не только интеллектуальными способностями, но и объёмом социального и экономического капитала семьи. Данный подход позволяет рассматривать эксклюзивное образование не только как педагогический феномен, но и как социальный институт, выполняющий функции стратификации и воспроизводства общественных структур [4].

Истоки эксклюзивного образования восходят к античности: Платоновская академия (388 г. до н.э.) и перипатетическая школа Аристотеля готовили политическую и интеллектуальную элиту Древней Греции; в Средневековье эту роль выполняли первые университеты – Болонский (1088 г.), Оксфордский (1167 г.), Парижский (1215 г.). В Великобритании XVII–XVIII вв. сложилась система «publicschools» – закрытых школ-интернатов: Итон (1440 г.), Хэрроу (1572 г.), Уинчестер (1382 г.), воспитавших 20 из 57 британских премьер-министров и сформировавших концепцию «воспитания характера» как неотъемлемой составляющей элитного образования. В России XIX в. ключевую роль выполняли Царскосельский лицей (1811) и реальные училища, а в советский период – физико-математические школы при МГУ, НГУ и ЛГУ, созданные по инициативе академика Колмогорова (1963 г.), ключевые элементы которых впоследствии были адаптированы рядом западных стран.

В современной педагогике выделяют несколько базовых

моделей эксклюзивного образования:

1) элитные частные школы с высоким уровнем оплаты: стоимость обучения в ведущих британских boardingschools составляет от 40 000 до 55 000 фунтов стерлингов в год, а соотношение учеников и учителей в Итонском колледже – 8:1.

2) специализированные государственные школы для одарённых: Gifted Education Programme в Сингапуре охватывает 1% наиболее способных учеников и признана одной из лучших в мире. Примечательно, что сингапурская модель строится на строгом принципе меритократии: отбор осуществляется исключительно по академическим показателям, вне зависимости от социального и материального положения семьи ребёнка. Это обеспечивает значительно более высокую степень социальной мобильности по сравнению с британской моделью частного элитного образования;

3) международные школы, реализующие программу International Baccalaureate (IB): по данным IBO (2023 г.), их насчитывается более 5600 в 159 странах мира. Программа отличается интегрированным подходом к содержанию образования, акцентом на развитии критического и творческого мышления, а также обязательным компонентом социальной ответственности (CAS -Creativity, Activity, Service). Отдельную форму образуют программы академического ускорения. В США система «Advanced Placement» ежегодно охватывает более 1,2 млн старшеклассников в 22 000 школах; успешные результаты засчитываются в качестве университетских кредитов, что позволяет значительно сократить сроки и стоимость последующего высшего образования [5].

В Республике Казахстан ключевую роль играет сеть Интеллектуальных школ (НИШ), включающая 20 учреждений во всех регионах страны; программы разработаны при участии Кембриджского международного экзаменационного совета, конкурс при поступлении составляет от 5 до 20 человек на место. Параллельно функционируют специализированные лицеи «ЖасҰлан», Республиканская физико-математическая школа, а государственная программа развития образования на 2020-2025 гг. предусматривает создание единой цифровой платформы для дистанционного обучения одарённых школьников из

отдалённых регионов. По данным МОН РК (2023 г.), выпускники НИШ поступают в ведущие мировые университеты в 3 раза чаще выпускников обычных школ.

Несмотря на очевидные достижения, системе эксклюзивного образования присущ ряд фундаментальных противоречий. Главная проблема – воспроизводство социального неравенства. Томас Пикетти (2014 г.) установил, что дети из наиболее состоятельного квинтиля в 7 раз чаще поступают в ведущие университеты, чем их сверстники из малообеспеченных семей, что ставит под сомнение последовательную реализацию принципа меритократии [6]. Исследования Гарвардской высшей школы образования (2022 г.) показали, что в ведущих американских университетах Лиги Плюща дети из 1% наиболее состоятельных семей составляют около 15% студенческого контингента, тогда как их доля в общей численности населения не превышает 1%. Данная диспропорция во многом объясняется феноменом «унаследованного преимущества» – системой льгот для детей выпускников и крупных университетских благотворителей.

Перспективными направлениями развития системы эксклюзивного образования являются: расширение стипендиальных программ для одарённых детей из малообеспеченных семей и отдалённых регионов; внедрение цифровых технологий и адаптивных платформ (Khan Academy, Coursera, edX) для повышения доступности качественного образования; интеграция эксклюзивных методик-проектного и проблемно-ориентированного обучения – в практику массовой школы [7]; развитие международного сетевого взаимодействия специализированных учебных заведений. Опыт Финляндии, последовательно сочетающей принципы равенства и инклюзивности со специализированными программами для одарённых в рамках единой системы, может стать ценным ориентиром для Казахстана и России в поиске оптимального баланса между эксклюзивностью и широкой доступностью образования.

Таким образом, эксклюзивное образование является значимым и динамично развивающимся элементом современной образовательной системы, обеспечивающим подготовку

высококвалифицированных специалистов и формирование интеллектуального потенциала нации. Наиболее успешны модели, сочетающие академическую строгость с принципами социальной ответственности и расширяющие доступ к качественному образованию через стипендии, олимпиады и государственные программы поддержки. Для Казахстана и России дальнейшее системное развитие НИШ, СУНЦ, программы «Болашак» и центра «Сириус» при одновременном снижении социальных барьеров и последовательном внедрении цифровых инноваций позволит обеспечить устойчивое развитие человеческого капитала. Эффективная система эксклюзивного образования, основанная на принципах меритократии, социальной ответственности и технологической открытости, способна стать стратегическим ресурсом национального развития в условиях глобальной конкуренции экономик знаний.

Список использованных источников и литературы:

[1] OECD. Education at a Glance 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en.html (дата обращения 20.07.2026 г.)

[2] UNESCO. Global Education Monitoring Report 2022. URL: https://www.unesco.org/gem-report/en (дата обращения 22.07.2026 г.)

[3] Giddens A. Sociology. 6th ed. – Cambridge: Polity Press. 2009. – 1094 p.

[4] Bourdieu P. The Formsof Capital //Handbookof Theoryand Research forthe Sociologyof Education /D.J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241-258.

[5] College Board. AP Program Summary Report 2023. – New York, 2023. URL: https://reports.collegeboard.org/ (дата обращения 22.07.2026 г.)

[6] Piketty T. Capital intheTwenty-First Century. – Cambridge: Harvard University Press. 2014. – 696 p.

[7] Robinson K. Creative Schools: The Grassroots Revolution That'sTransforming Education. – New York: Viking. 2015. – 320 p.

© З.Н. Нурлигенова, З.Ч. Раджобова, И.М. Алмазов, 2026

Е.М. Волкова,
аспирант напр. «Финансы»,
науч. рук.: ***Е.А. Качанова,***
д.э.н., проф.,
Уральский институт управления – филиал
РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КОНВЕРСИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: СЦЕНАРИИ ВНЕДРЕНИЯ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МОДЕЛИ

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-методологические и прикладные аспекты разработки стратегической модели развития конверсионных операций коммерческого банка в условиях внедрения цифровых валют. Разработаны консервативней, базовый и инновационный сценарии внедрения цифровых валют, различающиеся темпами институциализации CBDC и масштабом клиентского спроса. Предложена система оценки эффективности модели на основе показателей доходности конверсионных операций, динамики комиссионного дохода, себестоимости сделок, уровня операционных затрат и пр. показателей. Результаты исследования могут быть использованы коммерческими банками при формировании стратегии цифровой трансформации валютно-обменной деятельности, а также при разработке управленческих решений в сфере развития конверсионных операций.

Ключевые слова: конверсионные операции, коммерческий банк, стратегическая модель, цифровые валюты, цифровой рубль, сценарное планирование, эффективность, валютный риск, цифровая трансформация.

Современный этап развития банковской системы

характеризуется активной цифровой трансформацией денежно-кредитной инфраструктуры, обусловленной внедрением цифровых валют центральных банков и, в частности, цифрового рубля. Цифровой рубль рассматривается как третья форма национальной валюты наряду с наличными и безналичными денежными средствами, что формирует новые условия организации расчетов, управления ликвидностью, валютного контроля и взаимодействия коммерческих банков с клиентами.[2] В этих условиях традиционные модели конверсионных операций, ориентированные преимущественно на обмен наличной и безналичной иностранной валюты, требуют стратегической переориентации с учетом появления цифровых форм денег и новых технологических возможностей их конвертации. [3]

Целью статьи является разработка стратегической модели развития конверсионных операций коммерческого банка в условиях внедрения цифровых валют и обоснование подхода к оценке её эффективности на основе сценарного анализа.

Объектом исследования выступает деятельность коммерческого банка по осуществлению конверсионных операций.

Предметом исследования являются организационно – экономические отношения, возникающие в процессе формирования и реализации стратегической модели развития конверсионных операций банка в условиях внедрения цифровых валют.

Необходимо отметить, что в условиях неопределенности темпов внедрения цифровых валют и неоднородности регуляторной практики коммерческим банкам целесообразно использовать сценарный подход. [1] Он позволяет определить возможные траектории развития конверсионного бизнеса и заранее сформировать набор управленческих мероприятий для каждого варианта изменения внешней среды.

В рамках предлагаемой автором модели могут быть выделены три сценария: консервативный, базовый и инновационный (представлены в таблице 1.).

Таблица 1 – Сценарии внедрения цифровых валют и их влияние на конверсионные операции коммерческих банков

Сценарий	Основные характеристики	Стратегические действия банка	Ожидаемый результат
Консервативный	Ограниченное распространение цифровых валют, сохранение доминирующей роли традиционных валютных операций, повышенные регуляторные ограничения	Тестирование отдельных сервисов, модернизация ИТ-инфраструктуры, развитие внутреннего валютного контроля	Снижение технологической и регуляторной неопределенности
Базовый	Постепенное расширение использования цифровых валют в отдельных сегментах расчетов и переводов	Масштабирование цифровых конверсионных продуктов, интеграция каналов обслуживания, автоматизации контроля и управления ликвидностью	Рост комиссионных доходов и повышение операционной эффективности
Инновационный	Быстрое распространение цифровых валют, активное развитие трансграничных расчетов и цифровых финансовых инструментов	Создание комплексной цифровой платформы, разработка новых продуктов, использование аналитики данных и автоматизирован-	Формирование конкурентного преимущества и увеличение доли банка на рынке конверсионных услуг

		ного управления валютной позицией	

Консервативный сценарий предполагает минимально необходимую адаптацию банка к новой денежной инфраструктуре. Его реализация целесообразна в условиях недостаточной определенности правового статуса цифровых валют, ограниченного клиентского спроса или высокой стоимости технологической модернизации. [4] Основной задачей банка в данном случае является сохранение устойчивости действующей модели конверсионного бизнеса и создание задела для дальнейшего масштабирования цифровых решений.

Базовый сценарий предусматривает поэтапное внедрение цифровых валют в наиболее востребованные направления банковского обслуживания. К ним могут относиться трансграничные платежи, операции корпоративных клиентов, расчеты по внешнеторговым контрактам и автоматизированная конвертация денежных средств. [4] В рамках данного сценария банк последовательно расширяет перечень цифровых продуктов, осуществляя их внедрение на основе результатов пилотных проектов и оценки клиентского спроса.

Инновационный сценарий ориентирован на активное использование цифровых валют как основы развития нового конверсионного бизнеса. [4] В этом случае банк может выступать не только исполнителем операций, но и оператором цифровой платформы, обеспечивающей проведение платежей, конвертацию, валютный контроль, управление лимитами и аналитическое сопровождение клиентов. Вместе с тем реализация такого сценария требует значительных инвестиций, высокого уровня информационной безопасности, наличия квалифицированного персонала и устойчивой регуляторной среды.

Выбор сценария должен осуществляться на основе многокритериальной оценки. В качестве критериев могут использоваться:

– объем необходимых инвестиций;

– срок окупаемости цифровой инфраструктуры;

– потенциальный прирост доходов;

– уровень валютного, операционного и технологического риска;

– степень соответствия регуляторным требованиям;

– влияние на клиентскую базу;

– возможность масштабирования решения;

– эффект от сокращения времени и стоимости операций.

В обобщенном виде выбор сценария может быть представлен следующей зависимостью:

$$S_j = \sum_{i=1}^{n} w_i x_{ij}, (1)$$

где S_j – интегральная оценка -го сценария;

w_i – вес -го критерия;

x_{ij} – нормированное значение -го критерия для j-го сценария;

n – количество оцениваемых критериев.

Такой подход позволяет избежать выбора сценария исключительно по критерию максимального дохода и обеспечить учет ограничений, связанных с устойчивостью банковской деятельности.

Оценка эффективности стратегической модели должна проводиться на основе системы количественных и качественных показателей. При этом анализ необходимо осуществлять не только после завершения внедрения цифровых конверсионных продуктов, но и на отдельных этапах реализации стратегии. Это позволит выявлять отклонения от плановых значений и своевременно корректировать параметры модели. К основным финансовым показателям эффективности относятся:

– прирост доходов от конверсионных операций;

– изменение комиссионной маржи;

– операционная прибыльность конверсионного бизнеса;

– рентабельность инвестиций в цифровую инфраструктуру;

– срок окупаемости проекта;

– стоимость одной конверсионной операции;

– доход на одного активного клиента;

– доля цифровых операций в общем объеме конверсии.

Рентабельность инвестиций в развитие цифровых конверсионных операций может быть рассчитана по формуле:

$$ROI = \frac{\Delta D - \Delta Z}{I} \times 100\%, (2)$$

где ΔD – прирост доходов от конверсионного бизнеса;

ΔZ – прирост текущих расходов, связанных с эксплуатацией цифровой инфраструктуры,

I – объем инвестиций в разработку и внедрение цифрового решения.

Для оценки операционной эффективности целесообразно использовать показатель снижения удельных затрат:

$$E_z = \frac{Z_0 - Z_1}{Z_0} \times 100\%, (3)$$

где Z_0 – затраты на проведение традиционной конверсионной операции;

Z_1 – затраты на проведение операций с использованием цифровой валюты и автоматизированных процедур.

Важным направлением является оценка влияния модели на скорость обслуживания. Для этого может применяться показатель сокращения времени обработки операции:

$$E_t = \frac{T_0 - T_1}{T_0} \times 100\%, (4)$$

где T_0 – среднее время исполнения традиционной операции;

T_1 – среднее время исполнения цифровой конверсионной операции.

Финансовые показатели должны дополняться индикаторами риска и качества обслуживания. К ним относятся количество операционных сбоев, частота нарушения лимитов, объем потенциальных потерь от валютного риска, число случаев приостановления операций в рамках валютного контроля,

уровень претензионной активности клиентов и доля успешно завершенных транзакций.

Комплексная оценка эффективности модели может быть представлена в виде интегрального показателя;

$$I_E = \alpha F + \beta O + \gamma R + \delta C, \quad (5)$$

где F – нормированный финансовый результат;

O – показатель операционной эффективности,

R – показатель качества управления рисками,

C – показатель клиентской эффективности,

$\alpha, \beta, \gamma, \delta$ – весовые коэффициенты, сумма которых равна единице.

При этом показатель управления рисками должен интерпретироваться таким образом, чтобы снижение уровня риска повышало итоговую оценку модели. Например, он может рассчитываться через обратную нормировку величины потерь, количество нарушений лимитов и числа технологических инцидентов. Это обеспечивает сопоставимость финансовых и нефинансовых результатов.

Таким образом, эффективность предложенной стратегической модели определяется не только ростом объема конверсионных операций и увеличением доходов банка. Принципиальное значение имеют сокращение операционных издержек, ускорение расчетов, повышение прозрачности валютных операций, расширение клиентского охвата и снижение совокупного уровня рисков. Внедрение цифровых валют целесообразно рассматривать как фактор структурной трансформации конверсионного бизнеса, при которой традиционные операции дополняются цифровыми сервисами, автоматизированным управлением валютной позицией и интегрированными расчетными решениями.

Предлагаемая стратегическая модель обеспечивает коммерческому банку возможность поэтапного перехода к цифровому формату конверсионных операций. Ее практическая ценность заключается в сочетании сценарного планирования, риск-ориентированного управления и системы качественной

оценки результатов. Это позволяет адаптировать параметры развития конверсионного бизнеса к изменяющимся условиям денежно-кредитной политики, валютного регулирования, технологического развития и поведения клиентов.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирическую верификацию модели на основе данных деятельности конкретных банков, количественную оценку влияния цифрового рубля на доходность и рискованность конверсионных операций, а также на разработку методических рекомендаций по управлению валютными рисками при проведении трансграничных расчетов в использование цифровых валют.

Список использованных источников и литературы:

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 года №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 24.10.2026).

[2] Концепция цифрового рубля. Центральный Банк Российской Федерации. Москва, апрель 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf . (дата обращения: 25.10.2026).

[3] Станкевич В.С., Бетина М.С., Зеньков А.И., Воробьев Е.А. Влияние внедрения цифрового рубля на структуру баланса, ликвидность и доходы коммерческих банков. Журнал «Финансы и Бизнес», 2024. №1. [Электронный ресурс]. URL: https://finbiz.spb.ru/wp-content/uploads/2024/06/betina_1_24.pdf?utm_source=perplexity. (дата обращения: 24.10.2026).

[4] Иванинский И., Панфилов С., Алфёров Д., Кому достанутся цифровые рубли? Исследование, февраль 2024 г. «Яков и партнёры» [Электронный ресурс]. URL: https://yakovpartners.ru/publications/cbdc/ (дата обращения: 24.10.2026).

© Е.М. Волкова, 2026

О.А. Моракинио,
аспирант,
науч. рук.: ***М.Н. Андрианчикова,***
к.э.н., доц.,
ГГТУ им. П.О. Сухого,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ НИГЕРИЯ

Аннотация: в статье рассматривается организационно-экономический механизм функционирования рынка образовательных услуг Федеративной Республики Нигерия. Раскрыты составляющие элементы данного механизма, проанализированы институциональная структура системы образования Нигерии и источники ее финансирования, выявлены ключевые проблемы развития рынка образовательных услуг и обоснованы направления совершенствования механизма его развития.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг, организационно-экономический механизм, Нигерия, высшее образование, финансирование образования, государственное регулирование.

В условиях формирования экономики знаний образовательные услуги становятся одним из приоритетных секторов национальной экономики, обеспечивающим воспроизводство человеческого капитала и долгосрочную конкурентоспособность государства. Для развивающихся стран, к которым относится Федеративная Республика Нигерия – крупнейшее по численности населения государство Африки (более 220 млн человек, значительная часть которых моложе 25 лет), развитие рынка образовательных услуг приобретает особое значение: от его эффективности зависят темпы экономического роста, уровень занятости и качество рабочей силы. Отдача от инвестиций в образование в развивающихся странах, как показывают эмпирические исследования, остается одной из

самых высоких в мировой экономике [4].

Под организационно-экономическим механизмом развития рынка образовательных услуг в настоящей статье понимается совокупность взаимосвязанных организационных форм и экономических методов воздействия субъектов управления на субъектов рынка, обеспечивающая его сбалансированное развитие, расширение доступности образовательных услуг и повышение их качества. Структура рассматриваемого механизма применительно к Нигерии представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Элементы организационно-экономического механизма развития рынка образовательных услуг Федеративной Республики Нигерия

Элемент механизма	**Содержание применительно к рынку образовательных услуг Нигерии**
Субъекты управления	Федеральное министерство образования; министерства образования штатов; Национальная комиссия по университетам (NUC); Национальный совет по техническому образованию (NBTE); Национальная комиссия по педагогическим колледжам (NCCE); Объединенный комитет по приему и проведению экзаменов (JAMB); Фонд целевого финансирования высшего образования (TETFund)
Объекты воздействия	Государственные и частные университеты, политехнические институты, педагогические колледжи, организации начального и среднего образования, потребители образовательных услуг
Цели	Расширение доступности образования, повышение качества образовательных услуг, обеспечение экономики квалифицированными кадрами,

	сокращение числа детей, не охваченных обучением
Методы	Административные: лицензирование, аккредитация, установление стандартов и квот приема; экономические: бюджетное финансирование, целевой образовательный налог, гранты, субсидии, налоговые льготы
Инструменты	Нормативно-правовые акты, национальная политика в области образования, программы целевого финансирования, государственно-частное партнерство, цифровые образовательные платформы
Функции	Регулирующая, стимулирующая, распределительная, контролирующая, инновационная

Институциональную основу рынка образовательных услуг Нигерии образует система образования, построенная по ступенчатому принципу: девятилетнее базовое образование (шесть лет начальной школы и три года младшей ступени средней школы), являющееся бесплатным и обязательным в соответствии с Законом о всеобщем базовом образовании 2004 г. [1]; трехлетнее полное среднее образование; высшее образование, представленное университетами, политехническими институтами и педагогическими колледжами. Стратегические ориентиры развития отрасли закреплены в Национальной политике в области образования [3]. Прием в организации высшего образования централизован и осуществляется через единый экзамен, проводимый JAMB, что представляет собой специфический административный инструмент регулирования спроса на образовательные услуги.

Финансовое обеспечение функционирования рынка образовательных услуг осуществляется по двум основным каналам. Первый канал – бюджетные ассигнования федерального правительства и правительств штатов. При этом их уровень устойчиво не достигает рекомендованных ЮНЕСКО

ориентиров (15–20% государственного бюджета либо 4-6% ВВП): на протяжении большей части периода 1960-2023 гг. доля образования в федеральном бюджете Нигерии оставалась ниже указанных бенчмарков [5], а в бюджете 2025 г. на образование выделено около 2,59 трлн. найр, что составляет лишь порядка 5,5% общего объема расходов [7]. Второй канал – целевое внебюджетное финансирование через Фонд целевого финансирования высшего образования (TETFund), созданный в 2011 г. и получающий средства за счет специального образовательного налога с прибыли компаний, зарегистрированных в Нигерии; ставка налога была повышена с 2 до 2,5% в 2022 г. и до 3% в 2023 г. [2]. Средства фонда направляются исключительно государственным организациям высшего образования на развитие инфраструктуры, подготовку кадров и научные исследования.

Конъюнктура рынка образовательных услуг Нигерии характеризуется устойчивым превышением спроса над предложением. Ежегодно к единому вступительному экзамену JAMB допускается около 2 млн кандидатов; за пять лет (2020-2024 гг.) экзамен сдали более 8,9 млн человек, из которых были зачислены в организации высшего образования лишь около 2,7 млн [8]. Дефицит предложения стимулирует развитие частного сегмента: число частных университетов выросло с трех в 1999 г. до более чем ста в настоящее время, однако высокая стоимость обучения ограничивает их доступность для значительной части населения.

Вместе с тем функционирование рынка образовательных услуг сдерживается рядом системных проблем: хроническим дефицитом финансирования и износом материально-технической базы; высокой долей детей, не охваченных школьным обучением (по оценке ЮНЕСКО, около 20 млн человек, что является крупнейшим показателем в мире) [6]; оттоком квалифицированных преподавательских кадров за рубеж («утечка умов»); регулярными забастовками профессорско-преподавательского состава государственных университетов, нарушающими непрерывность образовательного процесса.

Совершенствование организационно-экономического

механизма развития рынка образовательных услуг Нигерии, по нашему мнению, должно осуществляться по следующим направлениям: постепенное приближение доли бюджетных расходов на образование к рекомендованным ЮНЕСКО ориентирам; диверсификация источников финансирования за счет развития государственно-частного партнерства, эндаумент-фондов и льготного образовательного кредитования; расширение применения цифровых и дистанционных образовательных технологий как инструмента наращивания предложения образовательных услуг без существенных капитальных затрат; укрепление системы лицензирования и аккредитации как гарантии качества услуг частного сегмента рынка.

Таким образом, организационно-экономический механизм функционирования рынка образовательных услуг Нигерии представляет собой сложную систему, объединяющую государственное регулирование, бюджетное и целевое внебюджетное финансирование, а также рыночную инициативу частных производителей образовательных услуг. Его модернизация на основе сбалансированного сочетания административных и экономических методов является необходимым условием превращения образовательного сектора страны в драйвер устойчивого социально-экономического развития.

Список использованных источников и литературы:

[1] Universal Basic Education Act No. 9 of 2004: Federal Republic of Nigeria. – Abuja: Federal Government Press, 2004.

[2] Tertiary Education Trust Fund (Establishment, Etc.) Act No. 16 of 2011: Federal Republic of Nigeria. – Abuja: Federal Government Press, 2011.

[3] National Policy on Education. 6th ed. – Lagos: Nigerian Educational Research and Development Council (NERDC) Press, 2013. – 88 p.

[4] Psacharopoulos G., Patrinos H.A. Returns to investment in education: a decennial review of the global literature // Education Economics. – 2018. – Vol. 26. – №5. – P. 445-458.

[5] Ohaegbulem E.U. On targeting UNESCO's benchmark(s)

on budgetary allocations to education sector in Nigeria: a statistical conceptualisation // IJO – International Journal of Applied Science. – 2025. – Vol. 8. – №9. – P. 51-62.

[6] New estimation confirms out-of-school population is growing in sub-Saharan Africa [электронный ресурс] // UNESCO Institute for Statistics. 2022 г. – Электрон. данные. URL: http://uis.unesco.org (дата обращения 22.09.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[7] Nigeria's education budget still falls short of UNESCO benchmark in 2025 [электронный ресурс] // Dataphyte. 2025 г. – Электрон. данные. URL: https://www.dataphyte.com (дата обращения 22.09.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[8] Six million UTME candidates denied varsity admission in five years [электронный ресурс] // The Punch. 2025 г. – Электрон. данные. URL: https://punchng.com (дата обращения 22.09.2026 г.). – Заглавие с экрана.

© О.А. Моракинио, 2026

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.М. Дәулетхан,
«Діntану» білім беру бағдарламасы
3 курс студенті,
*ғыл. жет.: **А.С. Сағатова,***
фс.ғ.к., қауымдастырылған профессор,
«Академик Е.А.Бөкетов ат. Қарағанды
ұлттық зерттеу университеті» КЕАҚ,
Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы

ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫҢ АДАМ ӨМІРІНДЕГІ ОРНЫ

Аңдатпа: мақалада құндылықтардың адам өміріндегі орны мен маңызы зерделенеді. Адамның дүниетанымы, өмірлік ұстанымы, мінез-құлқы мен қоғамдағы қарым-қатынасының қалыптасуындағы жеке, әлеуметтік және рухани құндылықтардың рөлі, сонымен қатар қазіргі қоғам жағдайында құндылықтардың өзгеруі және олардың тұлғаның рухани-адамгершілік дамуына ықпалы қарастырылады.

Түйін сөздер: құндылық, тұлға, адамгершілік, руханият, дүниетаным, қоғам, өмірлік ұстаным.

Құндылықтар – адамның өмірлік ұстанымын, дүниетанымын, мінез-құлқын және қоғамдағы орнын айқындайтын маңызды рухани әрі әлеуметтік негіздердің бірі. Адамның қандай шешім қабылдайтыны, қоршаған ортамен қарым-қатынасы, өмірлік мақсаты мен жауапкершілігі – оның бойындағы құндылықтық бағдарлармен тығыз байланысты. Сондықтан құндылық мәселесі философия, дінтану, әлеуметтану және психология сияқты ғылым салаларында өзекті зерттеу нысаны болып табылады.

Тақырыптың өзектілігі қазіргі қоғамдағы әлеуметтік өзгерістер, жаһандану, цифрландыру және ақпараттық кеңістіктің кеңеюі жағдайында адамның дәстүрлі және рухани құндылықтарының өзгеруімен байланысты. Әсіресе, жастардың өмірлік көзқарастары мен басымдықтарының қалыптасуына жаңа әлеуметтік ортаның ықпалы артып келеді.

Құндылықтар мәселесі философия тарихында ежелден зерттеліп келе жатқан маңызды тақырыптардың бірі. Аристотель өзінің «Никомах этикасында» адам өмірінің мақсаты мен изгілік мәселесін қарастырып, адамның бақытқа жетуі оның изгі әрекеттерімен байланысты екенін көрсетеді. [1, 15-22 бб.].

Құндылықтар теориясының қалыптасуында Макс Шелердің еңбектері ерекше орын алады. Ғалым құндылықтарды адамның рухани өмірімен байланыстырып, оларды адамның белгілі бір затқа немесе әрекетке беретін қарапайым бағасынан жоғары деңгейде қарастырды. [2, 270-310 бб.].

Эрих Фромм адамның еркіндігі, жауапкершілігі, сүйіспеншілігі және өмірге деген қатынасы мәселелерін зерттей отырып, адамның шынайы дамуы тек материалдық жетістікпен шектелмейтінін атап көрсетеді. Виктор Франкл адамның өмір мәнін іздеуін тұлғаның өмір сүруінің маңызды негізі ретінде қарастырады. Бұл тұжырымдар құндылықтардың адамға қиын жағдайда бағыт-бағдар беретін ішкі рухани тірек екенін түсіндіреді [3, 172-205 бб.].

Қазақ ойшылдарының шығармаларында да құндылық мәселесі кең көрініс тапқан. Абайдың қара сөздерінде білім, еңбек, әділет, рақым, ар, талап және адамгершілік мәселелері маңызды орын алады. Шәкәрім Құдайбердіұлының **«Үш анық»** еңбегінде ар-ұждан мәселесінің көтерілуі адамның моральдық жауапкершілігі мен ішкі дүниесінің маңызын көрсетеді [4, 50-65 бб.].

Құндылық – адамның белгілі бір құбылысты, идеяны, әрекетті немесе өмірлік ұстанымды маңызды деп тануына негіз болатын рухани-әлеуметтік бағдар. Адам дүниеге келгеннен бастап белгілі бір әлеуметтік ортада тәрбиеленеді және оның құндылықтық түсініктері отбасы, білім беру ортасы, мәдениет, дін, қоғам және жеке тәжірибе арқылы қалыптасады. Сондықтан құндылықтарды адамның ішкі дүниесі мен сыртқы әлеуметтік ортасын байланыстыратын маңызды механизм ретінде қарастыруға болады.

Құндылықтардың адамның өміріндегі алғашқы қалыптасу ортасы – отбасы. Бала адалдық, сыйластық, жауапкершілік, үлкенді құрметтеу, кішіге қамқор болу сияқты ұстанымдарды ең

алдымен отбасы мүшелерінің мінез-құлқынан үйренеді. Бұл жерде маңызды мәселе – құндылықтарды тек сөз арқылы түсіндіру жеткіліксіз. Құндылық адамның күнделікті іс-әрекетінде көрініс тапқанда ғана тұрақты мінез-құлықтық бағдарға айналады. Бұл ойды Абай шығармаларындағы адамгершілік мәселелерімен байланыстыруға болады. Абай адам болудың негізін білім, еңбек, ақыл, қайрат және жүрекпен байланыстырады. Шығармаларындағы «толық адам» идеясы адамның тек білімді немесе материалдық жағынан қамтамасыз етілген тұлға болуын емес, рухани және моральдық тұрғыдан жетілген адам болуын көздейді. Осы тұрғыдан Абайдың философиялық мұрасы қазіргі құндылық мәселесімен тікелей сабақтасады [5, 44-48 бб.].

Мысалы, білімді жоғары құндылық деп қабылдайтын адам өзінің уақытын оқу мен кәсіби дамуға бағыттауы мүмкін. Ал отбасыны басты құндылық ретінде қабылдайтын адам өз шешімдерінде жақындарының мүддесін ескеруге бейім болады. Демек, құндылық абстрактілі ұғым болып қана қалмай, адамның нақты әрекеті мен таңдауынан көрінеді.

Құндылықтардың келесі маңызды деңгейі – **адамгершілік құндылықтар**. Оларға адалдық, әділеттілік, мейірімділік, жауапкершілік, ар-ұят, сыйластық және қайырымдылық жатады. Бұл құндылықтар адамдар арасындағы қарым-қатынасты реттеуге мүмкіндік береді. Егер қоғам мүшелері өз әрекетінде тек жеке пайдасын басшылыққа алса, әлеуметтік сенім әлсіреуі мүмкін. Керісінше, әділеттілік пен жауапкершілік сияқты құндылықтардың орнығуы өзара сенімнің қалыптасуына ықпал етеді [6, 205-278 бб.].

Осы жерде құндылықтың **жеке және қоғамдық деңгейлері** өзара байланысатынын атап өткен жөн. Жеке адамның адалдығы – жеке моральдық қасиет болса, көптеген адамдардың адалдықты маңызды ұстаным ретінде қабылдауы – қоғамдағы сенім мәдениетінің қалыптасуына ықпал етеді.

Құндылықтардың маңызды бір саласы – **рухани және діни құндылықтар**. Діндану тұрғысынан қарағанда, әртүрлі діни дәстүрлер адамның мінез-құлқына, өмірдің мәнін түсінуіне және моральдық жауапкершілігіне қатысты белгілі бір қағидаларды қалыптастырған. Мейірімділік, сабырлылық,

кешірімділік, қайырымдылық, адалдық және жауапкершілік көптеген діни дәстүрлерде маңызды моральдық ұстаным ретінде көрініс табады.

Әлеуметтік желілердегі танымалдылық, материалдық жетістік, сыртқы бейне және тұтыну мәдениеті кей жағдайда адамның жетістік туралы түсінігіне ықпал етеді. Мысалы, адамның жетістігін тек қымбат заттар, жоғары табыс немесе әлеуметтік желідегі танымалдық арқылы бағалау – материалдық құндылықтардың басымдығын күшейтуі мүмкін. Алайда бұл жерде технология мен әлеуметтік желілерді құндылықтарға тек теріс әсер ететін фактор ретінде бағалау дұрыс емес. Цифрлық орта білім алуға, мәдени мұраны насихаттауға, қайырымдылық бастамаларын дамытуға және қоғамдық мәселелер туралы ақпарат таратуға мүмкіндік береді. Яғни мәселе технологияның өзінде емес, адамның оны қандай мақсатта пайдаланатынында. [7, 165-198 бб.].

Шәкәрімнің **ар-ұждан** туралы философиялық ойлары да осы мәселеге қатысты маңызды. Ар-ұждан адамның сыртқы бақылаусыз жағдайда да өзінің әрекетін моральдық тұрғыдан бағалауына мүмкіндік беретін ішкі өлшем ретінде қарастырылуы мүмкін. Яғни адамның құндылықтық жүйесі тек қоғамның бақылауына тәуелді болмауы керек. Нағыз моральдық жауапкершілік адамның өз әрекетін ішкі сеніміне сәйкес бағалауынан көрінеді.

Құндылықтардың маңызды қызметтерінің бірі – адамның өмірлік шешімдерін ішкі тұрғыдан реттеуі. Адам күнделікті өмірде мамандық таңдау, қарым-қатынас орнату, кәсіби міндетті орындау, уақытты пайдалану немесе қиын жағдайда шешім қабылдау сияқты көптеген таңдаулар жасайды. Мұндай шешімдер тек сыртқы жағдайларға емес, адамның нені маңызды деп санайтынына да тәуелді. Мысалы, жауапкершілікті жоғары қоятын адам жеке пайдасынан бұрын өз міндетін орындауды таңдауы мүмкін.

Құндылықтар адамның басымдықтарын қалыптастырады. Бір адам үшін кәсіби жетістік маңызды болса, екіншісі үшін отбасы, рухани даму немесе қоғамдық қызмет басты орын алуы мүмкін. Сондықтан адамдардың бір жағдайға әртүрлі реакция білдіруін олардың құндылықтық бағдарларымен түсіндіруге

болады.

Кейбір жағдайда жеке мүдде мен қоғамдық жауапкершілік қарама-қайшы келуі мүмкін. Осындай кезде адалдық, әділеттілік, ар-ұят секілді құндылықтар адамның таңдауын айқындайтын ішкі өлшемге айналады. Осы себепті құндылықтарды тек рухани ұғым емес, адамның нақты әрекетін бағыттайтын ішкі реттеуші механизм ретінде қарастыруға болады.

Құндылықтардың қоғам үшін маңызы да осында. Қоғам заңдар арқылы ғана емес, адамдардың өзара сенімі, жауапкершілігі және моральдық ұстанымдары арқылы да өмір сүреді. Заң белгілі бір әрекетке тыйым салуы мүмкін, алайда адамның ішкі мәдениеті мен адамгершілігі оның заң талаптары нақты көрсетілмеген жағдайларда да дұрыс шешім қабылдауына ықпал етеді.

Құндылықтарды қалыптастыру – бір күнде аяқталатын үдеріс емес. Адам өмір бойы жаңа тәжірибе жинап, кейбір көзқарастарын қайта қарауы мүмкін. Дегенмен адалдық, адамгершілік, жауапкершілік, білімге ұмтылу, еңбек ету және өзгені құрметтеу сияқты негізгі ұстанымдар адамға әртүрлі жағдайда дұрыс бағыт таңдауға көмектеседі. Сондықтан құндылықтарды тек теориялық тақырып ретінде емес, күнделікті өмірде қолданылатын өмірлік бағдар ретінде түсіну қажет.

Қоғам өзгерген сайын адамдардың қызығушылығы мен өмір салты да өзгереді. Бірақ жаңашылдық дәстүрлі құндылықтардан толық бас тарту дегенді білдірмейді. Керісінше, ұлттық тәрбие, тіл, үлкенге құрмет, кішіге ізет, отбасы бірлігі сияқты құндылықтарды қазіргі өмір талабымен үйлестіре білу маңызды. Менің ойымша, адам заманауи технологияны меңгеріп, жаңа көзқарастарға ашық бола отырып та өзінің мәдени тамырын сақтай алады. Бұл жерде отбасы мен білім беру мекемелерінің рөлі үлкен.

Студенттік ортада да адалдықтың орны бөлек. Сабаққа жауапкершілікпен қатысу, өзгенің еңбегін көшірмеу, тапсырманы өз бетінше орындауға тырысу, топтағы адамдардың пікірін құрметтеу сияқты қарапайым әрекеттер адамның құндылықтық мәдениетін көрсетеді. Мұндай дағдылар оқу

кезеңімен ғана шектелмей, кейін кәсіби ортада да қажет болады. Яғни бүгін қалыптасқан жауапкершілік пен адалдық болашақ маманның кәсіби мінезіне әсер етеді.

Меніңше, құндылық адамның сөзіне қарағанда оның күнделікті ісінен анық көрінеді. Адам үлкендерді құрметтеу туралы айтып қана қоймай, іс жүзінде көмектессе, достықты бағалаймын деп айтып қана қоймай, қиын сәтте досының жанынан табылса, сол кезде құндылық нақты әрекетке айналады. Бұл әсіресе жастар үшін маңызды, өйткені әлеуметтік желіде белгілі бір бейнені көрсету оңай болғанымен, адамның шынайы ұстанымы нақты өмірдегі таңдауларынан байқалады.

Қазіргі жастар үшін құндылық мәселесі ерекше маңызды деп ойлаймын. Себебі студенттік кезеңде адам болашақ мамандығын, ортасын, мақсатын және өмір салтын саналы түрде таңдай бастайды. Осы уақытта отбасыдан алған тәрбие мен білім беру ортасының ықпалы қатар жүреді. Мысалы, студент үшін білім алу – тек жақсы баға алу емес, өзіне жауапкершілік алу, уақытты дұрыс жоспарлау, іздену және болашақ мамандығына адал қарау сияқты қасиеттермен байланысады. Сондықтан білімнің өзі жеке құндылық болумен қатар, еңбекқорлық пен жауапкершілікті қалыптастыратын құрал деп есептеуге болады.

Қорыта айтқанда, құндылықтар адам өмірінің барлық кезеңінде маңызды орын алады. Олар адамның дүниетанымына, мінезіне, адамдармен қарым-қатынасына және қабылдайтын шешімдеріне әсер етеді. Адам қандай ортада өмір сүрсе де, оның ішкі ұстанымдары күнделікті әрекетін бағыттап отырады. Қазіргі цифрлық қоғамда жастарға әртүрлі ақпарат пен көзқарас өте жылдам таралады. Осындай жағдайда пайдалы мен пайдасызды, уақытша қызығушылық пен шынайы өмірлік маңызы бар дүниелерді ажырата білу қажет. Менің ойымша, адамның білімге ұмтылуы, еңбекті бағалауы, отбасын құрметтеуі және өз ісіне жауапкершілікпен қарауы оның тұлға ретінде қалыптасуына үлкен әсер етеді.

Бұл тақырыпты зерттеу барысында құндылықтардың тек философиялық ұғым емес, әр адамның күнделікті өмірінде кездесетін нақты бағдар екеніне көз жеткізуге болады. Құндылықтар дайын күйінде берілмейді: олар тәрбие, білім,

орта және жеке тәжірибе арқылы қалыптасып, адамның өз әрекеті арқылы бекітіледі. Сондықтан әр адам өзіне маңызды құндылықтарды саналы түрде түсініп, оларды іс жүзінде сақтауға ұмтылғаны дұрыс. Осындай ұстаным жеке адамның дамуына ғана емес, адамдар арасындағы сыйластық пен қоғамдағы сенімнің нығаюына да ықпал етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

[1] Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской. – М.: ЭКСМО, 2011. – 480 б.

[2] Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / Пер. с нем. А.В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – 490 б.

[3] Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 б.

[4] Құдайбердіұлы Ш. Үш анық. – Алматы: Қазақстан, 1991. – 80 б.

[5] Құнанбайұлы А. Қара сөздер. – Алматы: Өнер, 2006. – 124 б.

[6] Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 472 б.

[7] Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 б.

© Е.М. Дәулетхан, А.С. Сағатова, 2026

Д.А. Иванова,
учитель начальных классов,
МБОУ «Лицей №11,
г. Челябинск, Российская Федерация

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ АДАПТАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема снижения адаптационной тревожности у младших школьников средствами развития эмоционального интеллекта. Приводится анализ специфики проявления тревожности в период адаптации к обучению в начальной школе и предлагается комплекс конкретных методических приемов, направленных на распознавание, понимание и регуляцию эмоциональных состояний учащихся. Практическая значимость работы заключается в возможности интеграции представленных техник в структуру урочной и внеурочной деятельности учителя начальных классов.

Ключевые слова: дистанционное обучение, мотивация.

Начало школьного обучения – это сложный и кризисный период для ребенка. Смена привычного образа жизни, строгие школьные требования, повышенные умственные нагрузки и необходимость влиться в новый коллектив неизбежно вызывают у первоклассников и второклассников сильное психоэмоциональное напряжение [2]. Часто это проявляется в виде высокой адаптационной тревожности. Такая тревожность становится препятствием для познавательной деятельности, снижает способность к концентрации, приводит к быстрой утомляемости и может стать причиной психосоматических заболеваний [5].

В контексте современных образовательных тенденций и актуализированных ФГОС [1] от педагогов ожидается

переориентация образовательного процесса. Акцент смещается с исключительно академических достижений на всестороннее личностное становление обучающихся, что подразумевает уделение особого внимания их психологическому благополучию. Анализ практической деятельности подтверждает, что развитие эмоционального интеллекта (EQ), определяемого как комплекс навыков по идентификации собственных и чужих эмоций, пониманию мотивов других людей и регуляции своего эмоционального состояния, является действенным методом снижения уровня тревожности у детей.

Как отечественные (Л.С. Выготский, И.Н. Андреева), так и зарубежные (Д. Гоулман) психологи отмечают неразрывную связь между развитием мышления и эмоций. Младший школьный возраст является критическим периодом для становления эмоциональной сферы, когда ребенок учится не просто реагировать, а осознавать свои переживания [3].

В период адаптации к новым условиям дети часто испытывают тревогу из-за неизвестности и неумения управлять своими эмоциями [7]. Они чувствуют себя некомфортно, но не могут сформулировать, что именно их беспокоит – боязнь ошибок, плохих оценок или неприятия со стороны сверстников. Именно развитый эмоциональный интеллект позволяет ребенку трансформировать неопределенный страх в понятную проблему, которую он может решить самостоятельно или с минимальной поддержкой педагога.

Чтобы помочь детям справиться с адаптационной тревожностью, была разработана и внедрена программа, включающая игровые и рефлексивные методики [8]. Эти приемы гармонично вписываются в структуру уроков и применяются на классных часах.

1. «Настроение на виду» (начальная диагностика). В начале каждого учебного дня, перед первым уроком, ученики отмечают свое текущее самочувствие. Каждый ребенок, входя в класс, прикрепляет свой магнит с именем к тому «домику», который соответствует его настроению [6]. Польза для обучения: учитель получает наглядное представление об эмоциональной атмосфере в классе и может заметить учеников, испытывающих беспокойство. Для самих детей это возможность

открыто выразить свои чувства: «Я волнуюсь/мне грустно, и это нормально, учитель это видит».

2. «Примерка эмоций» (отработка ситуаций). На уроках литературы или во внеурочной деятельности дети работают с карточками, изображающими различные эмоции. Им предлагается прочитать стихотворение или разыграть предложенную школьную ситуацию с разной эмоциональной окраской. Польза для обучения: страх перестает быть чем-то пугающим и непонятным. Это развивает сопереживание и снижает напряженность в отношениях между учениками [4].

3. «Дневник чувств» (письменное осмысление). Для второклассников вводится небольшой блокнот. В конце каждого учебного дня ребенок отвечает на три вопроса, используя рисунки, наклейки или короткие фразы: что я сегодня чувствовал? Что послужило причиной этого? Кто или что помогло мне справиться с трудностями? Польза для обучения: эмоциональные переживания переводятся в слова и осознаются.

4. «Спокойное дыхание» (успокаивающие упражнения). При явных признаках волнения перед контрольной работой или диктантом применяется короткая пятиминутная техника. Ученикам предлагается закрыть глаза, сделать глубокий вдох, представляя, как они вдыхают спокойный синий цвет, а затем выдыхают свою тревогу в виде серого облачка, которое улетает прочь. Польза для обучения: помогает быстро снять мышечное напряжение, насытить мозг кислородом и переключить внимание с тревожных мыслей на телесные ощущения и контроль дыхания.

Заключение: внедрение методов развития эмоционального интеллекта в начальной школе значительно уменьшает адаптационную тревожность у детей. Исследования подтверждают, что в классах, где уделяется внимание развитию EQ, период привыкания к школе сокращается на 1,5-2 месяца. У учеников наблюдается повышенная учебная мотивация, они легче делятся своими проблемами и не боятся ошибок. Таким образом, развитие эмоционального интеллекта закладывает прочную основу для успешной учебы и психологического благополучия младших школьников.

Список использованных источников и литературы:

[1] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. №273-ФЗ – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

[2] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 №286 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 28.10.2026).

[3] Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – 5-е изд., испр. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с.

[4] Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Дэниел Гоулман; [пер. с англ. А.П. Исаевой] – Москва: АСТ: Хранитель, 2008. – 478 с.

[5] Дерманова, И.Б. Диагностика эмоционально-нравственного развития / И.Б. Дерманова. – Санкт-Петербург: Речь, 2002. – 176 с.

[6] Микляева, А.В. Школьная тревожность: диагностика, профилактика, коррекция / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 248 с.

[7] Сирота Е.В. Развитие эмоционального интеллекта как фактор успешной адаптации первоклассников к обучению в школе / Е.В. Сирота. – Текст: непосредственный // Начальная школа. – 2021. – №8. – С. 14-18.

[8] Трофимова Н.М. Психологические особенности адаптации младших школьников к образовательной среде / Н.М. Трофимова, Е.И. Попова. – Текст: непосредственный // Вестник психологии и педагогики. – 2023. – Т. 5, №2. – С. 45-52.

© Д.А. Иванова, 2026

A.Zh. Nurgalieva,
master's degree, senior lecturer,
department of social sciences and humanities,
A. Bakhyt,
second-year student,
International Educational Corporation
(KazGASA),
Almaty, Kazakhstan

ENGLISH AS A KEY TO INFORMATION ON THE INTERNET

Abstract: the Internet is an important source of information, providing access to scientific research, educational materials, and professional knowledge. However, the ability to use these resources depends not only on Internet access but also on understanding the language in which information is presented. English is widely used in international education, scientific publications, and digital communication. This article examines the role of English in expanding access to knowledge, promoting independent learning, and supporting professional development. This article argues that the English language should be viewed as an additional tool for acquiring knowledge, rather than as a replacement for one's native language. It also raises issues concerning linguistic inequality and the importance of multilingualism in the 21st century, an era in which people live in a digital environment.

Keywords: English language, Internet, access to information, education, digital literacy, scientific research, multilingualism.

The development of information technologies has changed traditional ways of acquiring and sharing knowledge. Today, the internet provides access to digital libraries, scientific articles, online courses, and educational platforms. As a result, people can independently study new subjects, keep up with the development of modern society, and acquire professional skills.However, the availability of information on the Internet does not mean that every user can fully benefit from it. One of the main obstacles is the language barrier. English occupies a significant position in the digital

environment. According to W3Techs statistics, it is the most widely used content language among websites for which the language has been identified [1].

The purpose of this article is to examine the significance of the English language for accessing information on the Internet, to identify its benefits for education and personal development, and to discuss the key issues surrounding linguistic inequality.

English provides users with access to a wide range of International sources, as many universities research organisations, and educational platforms publish materials in English to make them accessible to an International audience. This point further confirms the importance of the English language for personal and professional development. In education, knowledge of English helps students use original learning materials, watch lectures by international educators, and take online courses. The OECD study How 15-Year-Olds Learn English (2024) examines English language learning and the opportunities offered by digital technologies in education [2]. Thus, the Internet serves not only as a source of information but also as a tool for developing language skills.

English is particularly important in scientific research. It facilitates the international exchange of findings, access to new discoveries, and participation in academic discussions. However, the dominance of English in scientific communication creates difficulties for researchers who are not fluent in the language. The article Scientific Publishing Has a Language Problem, published in Nature Human Behaviour, discusses how language barriers affect researchers' opportunities to publish and share their findings [3].Therefore, English expands people's access to information and promotes international cooperation. Its main value lies in enabling users to consult original sources independently and acquire knowledge from different countries.

Knowledge of English also supports academic mobility and international cooperation between educational institutions. Students who understand English can participate in international projects, attend online seminars, and communicate with researchers from different countries. These opportunities allow them to exchange ideas, learn about different academic approaches, and develop critical thinking skills. In addition, English proficiency can help

students prepare for international examinations and apply for educational programmes abroad. Thus, English serves not only as a means of accessing information but also as a way to expand academic and professional opportunities.

Modern digital technologies create opportunities for lifelong learning. Online courses, video lectures, electronic books, and professional communities allow people to acquire new knowledge regardless of their location or educational institution's schedule.Knowledge of English provides access to a wider range of these resources. Users can study materials from international universities, explore new research methods, and independently find answers to professional questions.

The OECD report 21st-Century Readers: Developing Literacy Skills in a Digital World (2021) examines the development of reading and information-processing skills in the digital environment. It emphasizes the importance of navigating large amounts of digital content and understanding information presented in different formats [4].

However, access to information should not be confused with successful learning. To benefit from information, people need to understand the material, connect new information with their existing knowledge, and apply what they have learned in practice. In this context, English is a tool that facilitates the search for and study of information.Despite the advantages of English, its widespread use can create difficulties for people who have limited foreign language skills. Not everyone has equal opportunities to learn English, meaning that some educational and professional resources remain difficult to access.

UNESCO addresses issues of linguistic diversity and the availability of digital resources in different languages. Its publication Measuring Linguistic Diversity on the Internet: Bias, Multilingualism and Computer Systems examines the representation of languages online and the limitations that arise when digital technologies are used in multilingual environments [5].Supporting multilingualism is also important in education. UNESCO publications on multilingualism in cyberspace emphasize the need to create conditions that support the use of different languages in the digital environment [6]. This helps preserve cultural heritage and

expand access to information for different groups of users.

Furthermore, linguistic diversity helps preserve knowledge created within specific cultural and social contexts. International publications provide opportunities to explore global experience, while materials in native languages help people better understand local conditions and perspectives.

Therefore, English should not be considered the only means of acquiring knowledge. The most effective approach combines English with native languages and promotes the development of translation tools and accessible educational resources.

English plays an important role in expanding access to information on the Internet. It helps students explore international educational materials, become familiar with scientific research, and develop professional skills independently. It's importance is particularly evident in a world characterized by continuous developments in knowledge and digital technologies.At the same time, language barriers can restrict access to information, and the dominance of English should not reduce the importance of other languages. It is therefore necessary to develop a multilingual digital environment and ensure that educational resources are accessible to different groups of users.

Ultimately, English should be viewed as a tool that expands opportunities for acquiring knowledge rather than replacing native languages. Combining English language skills with independent learning and access to diverse sources can promote more effective use of information resources on the Internet.

References:

[1] W3Techs. Usage Statistics of Content Languages for Websites. Available at: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language

[2] OECD. How 15-Year-Olds Learn English: Case Studies from Finland, Greece, Israel, the Netherlands and Portugal. Paris: OECD Publishing, 2024. Available at: https://doi.org/10.1787/a3fcacd5-en

[3] Nature Human Behaviour. Scientific Publishing Has a Language Problem. 2023. Vol. 7, pp. 1019–1020. Available at: https://www.nature.com/articles/s41562-023-01679-6

[4] OECD. 21st-Century Readers: Developing Literacy Skills in a Digital World. Paris: OECD Publishing, 2021. Available at: https://doi.org/10.1787/a83d84cb-en

[5] UNESCO Institute for Statistics. Measuring Linguistic Diversity on the Internet: Bias, Multilingualism and Computer Systems. 2005. Available at: https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/measuring-linguistic-diversity-on-the-internet-ict-2005-en_0.pdf

[6] UNESCO. Multilingualism in Cyberspace. Available at: https://www.unesco.org/en/multilingualism-linguistic-diversity/multilingualism-cyberspace

© *A. Bakhyt, 2026*

У.В. Румянцева,
студент 3 курса
напр. «Лингвистика»,
Д.А. Сороковова,
студент 3 курса
напр. «Лингвистика»,
науч. рук.: ***И.Е. Брыксина,***
к.п.н., доц.,
ТГУ им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация

ОБУЧЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Аннотация: статья посвящена проблеме обучения прагматической компетенции английского языка с помощью генеративного искусственного интеллекта. Прагматическая компетенция рассматривается как единство прагмалингвистического (знание формул вежливости и речевых клише) и социопрагматического (умение выбрать уместную формулу в конкретном контексте) компонентов. На основе анализа исследований показано, что генеративные модели демонстрируют значительный потенциал как инструмент тренировки речевых актов и рефлексии, однако их применение требует продуманного методического сопровождения. Статья также включает промпты для отработки речевых актов просьбы, отказа и извинения с учётом параметров власти, дистанции и степени навязывания.

Ключевые слова: прагматическая компетенция, генеративный ИИ, промпт-инжиниринг, речевые акты, английский язык, межкультурная коммуникация.

Прагматическая компетенция традиционно рассматривается как один из наиболее сложных для формирования компонентов иноязычной коммуникативной компетенции. Если грамматика и лексика поддаются относительно прямой алгоритмизации, то прагматика требует понимания контекста, социальных отношений и культурных

норм, которые не всегда объясняются в учебных материалах. В этом смысле прагматика близка к аффективным компонентам межкультурной компетенции: она не передаётся как информация, а формируется через опыт и рефлексию.

Цифровая трансформация образования и развитие генеративных нейросетей создают новую ситуацию. Большие языковые модели способны генерировать контекстуализированные примеры речевых актов, выступать в роли ролевого собеседника и обеспечивать обратную связь по прагматической уместности высказываний. Однако возникает вопрос: в какой степени ИИ способен поддерживать формирование именно социопрагматической компетенции, а не только прагмалингвистической? Ответ на этот вопрос требует разграничения компонентов прагматической компетенции и анализа как возможностей, так и ограничений генеративных моделей.

Прагматическая компетенция неоднородна. В лингвистической литературе принято различать два её аспекта. Прагмалингвистическая компетенция охватывает знание языковых средств реализации речевых актов: формул вежливости, клише, стратегий смягчения. Социопрагматическая компетенция предполагает умение выбрать уместную форму в зависимости от контекста: статуса собеседника, социальной дистанции, степени навязывания. Для обучения английскому языку это разграничение принципиально. Студент может знать, как звучит вежливая просьба, но не уметь определить, насколько прямым может быть отказ в разговоре с преподавателем или насколько косвенной должна быть просьба к коллеге. Именно социопрагматический компонент вызывает наибольшие трудности, поскольку он требует выхода за пределы языковой системы в область культурных норм и социальных ожиданий.

Исследования демонстрируют растущий интерес к использованию генеративных моделей в обучении иностранным языкам. Прямо рассматривается потенциал применения технологий искусственного интеллекта в обучении прагматике английского языка, при этом выделяются два способа использования чат-ботов: дизайн задания педагогом и

непосредственное взаимодействие ученика с ботом под руководством педагога [2].

Правильно построенный запрос позволяет получить от модели максимально релевантный и точный ответ, а техники промпт-инжиниринга применимы для генерации учебных материалов разного уровня сложности [1]. Для обучения прагматике это означает, что преподаватель может целенаправленно конструировать задания, в которых модель воспроизводит конкретный коммуникативный контекст.

Анализируются и дидактические возможности чат-ботов в обучении иностранному языку, отмечается их потенциал для организации речевой практики и обеспечения обратной связи [3]. Они могут выступать в роли собеседника, реагирующего на высказывания студентов в рамках заданного сценария. Таким образом, ИИ предоставляет как минимум три возможности для обучения прагматике: генерацию контекстуализированных примеров речевых актов, ролевое взаимодействие с последующей обратной связью и поддержку рефлексии через анализ собственных высказываний.

Вместе с тем потенциал ИИ не следует переоценивать. Генеративные модели воспроизводят паттерны из тренировочных данных и не обладают подлинным пониманием социального контекста. При рассмотрении обучения прагматике через чат-боты подчёркивается необходимость педагогического сопровождения: без него студент может закрепить прагматически неуместные модели [2]. Указывается также на необходимость критического отношения к ответам ИИ и описываются распространённые ошибки при построении запросов [1]. Кроме того, промпт-инжиниринг сам по себе требует методической грамотности: эффективный запрос должен учитывать цели обучающегося и характер задачи, а разработка таких запросов остаётся недостаточно методически обеспеченной [1]. Преподаватель, использующий ИИ для обучения прагматике, должен не только владеть языком, но и уметь конструировать сценарии, в которых модель будет воспроизводить нужный контекст.

Практическая часть статьи предлагает примеры промптов на английском языке, сгруппированные по речевым актам.

Промпты задают роль, контекст и ограничители, а также предполагают рефлексивный этап после диалога. Для просьб с варьированием власти и дистанции можно использовать следующие запросы: "Role-play a situation where I need to ask my professor for an extension on an assignment. Respond as the professor would. After the dialogue, explain which politeness strategies I used and whether they were appropriate given the power distance."; "Now role-play the same request, but to a close friend. After the dialogue, compare the two strategies and explain how the appropriate level of directness changed." Для отказов: "Give me three ways to refuse an invitation from a close friend versus a boss. Explain the difference in directness, mitigation, and face-saving strategies." Для извинений: "Simulate a workplace scenario where I made a mistake that affected my colleague. Respond as the colleague. After the dialogue, tell me whether my apology was pragmatically appropriate for the context and suggest alternatives." Для рефлексии на метапрагматическом этапе: "Analyse our previous dialogue. Where did I sound too direct or too indirect for the context? Give specific examples from my wording and suggest alternative phrases that would be more pragmatically appropriate." Эти промпты можно использовать как готовые задания на занятии по английскому языку. Их ценность состоит в том, что они не просто тренируют языковые формулы, но и требуют от студента анализа собственного выбора, то есть работают на формирование социопрагматической компетенции.

Генеративный ИИ открывает новые возможности для обучения прагматической компетенции английского языка. Он способен генерировать контекстуализированные примеры, выступать в роли собеседника и поддерживать рефлексию. Однако его применение требует методической грамотности: промпты должны быть продуманы, а ответы модели – критически осмыслены. Наиболее продуктивной представляется модель, в которой ИИ дополняет, а не заменяет преподавателя, а рефлексивный этап следует за каждым взаимодействием.

Список использованных источников и литературы:

[1] Захцер Е.М. Инженерия подсказок при обучении английскому языку: теория и практика // Гуманитарные науки.

Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, №2. С. 122-139.

[2] Золотов П.Ю. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в обучении прагматике английского языка // Державинский форум. 2024. Т. 8, №2(30). С. 144-149.

[3] Сысоев П.В., Филатов Е.М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. №1. С. 66-72.

© У.В. Румянцева, Д.А. Сороковова, 2026

В.В. Рыбников,
к.пед.н., доц.,
В.В. Рыбников,
студент 1 курса
напр. «Программная инженерия»,
Энгельсский технологический институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный
технический университет имени Гагарина Ю.А.»,
г. Энгельс, Российская Федерация

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО МОДУЛЯ НА ОСНОВЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ЗРЕНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА БИОМЕХАНИЧЕСКИХ ОШИБОК В ЦИКЛИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНОБОРСТВ)

Аннотация: в статье рассматривается возможность объективизации контроля технической подготовленности в единоборствах средствами безмаркерной оценки позы по видеозаписи. Предлагается архитектура программного модуля, извлекающего скелетные ключевые точки посредством библиотеки MediaPipe Pose, вычисляющего кинематические параметры ударного движения и сопоставляющего их с эталонными профилями для диагностики типичных ошибок.

Ключевые слова: компьютерное зрение, оценка позы, MediaPipe, биомеханика, единоборства, анализ техники, физическое воспитание.

Контроль техники в ударных единоборствах исторически строится на визуальной оценке тренера. Подобная оценка сохраняет субъективный характер и ограничена пределами человеческого восприятия при быстрых движениях: так, фаза «взведения» в круговом ударе ногой занимает примерно 14% общей длительности, собственно разгибание – около 11%, тогда как на возврат приходится почти 69% времени движения. Инструментальные системы захвата движения дают высокую точность, но их стоимость и сложность развёртывания сужают область применения в вузовском физическом воспитании. Безмаркерные методы оценки позы, опирающиеся на

компьютерное зрение – OpenPose, MediaPipe, AlphaPose, DensePose, – рассматриваются сегодня как новое поколение доступных инструментов анализа движений в спорте и клинической практике. В данной статье описывается архитектура программного модуля, предназначенного для автоматизированного выявления биомеханических ошибок в ударных движениях муайтай, а также в определении условий его корректного использования в образовательном контексте.

Отбор диагностических признаков должен опираться на уже установленные закономерности кинематики муайтай. Сравнительный анализ кругового удара ногой у квалифицированных представителей муайтай, каратэ и тхэквондо продемонстрировал, что эффективная техника отличается быстрой осевой ротацией таза, отведением и сгибанием бедра, а также разгибанием колена, причём пик скорости разгибания колена достигается ещё до момента контакта с целью. Принципиальное отличие муайтай состоит в существенно большем вертикальном перемещении общего центра масс (ОЦМ) во время удара по сравнению с каратэ и тхэквондо. Линейная скорость стопы в момент контакта умеренно коррелирует с абсолютной и относительной силой удара ($r = 0,66$ и $r = 0,60$ соответственно).

Инструментальные исследования базовых навыков муайтай, выполненные с применением системы Qualisys, фиксируют средние скорости диагонального удара ногой на уровне 17,15 м/с, прямого толчка стопой – 6,01 м/с, бокового толчка – 5,28 м/с, прямого удара коленом – 6,29 м/с, диагонального удара коленом – 6,42 м/с. Эти величины задают порядок значений, на которые должен ориентироваться программный модуль при валидации собственных оценок скорости, хотя и с поправкой на ограничения монокулярного восстановления метрики[1].

Для исполнителей более низкой квалификации характерна иная динамика суставных скоростей и повышенная вариативность временных характеристик. Именно поэтому рассогласование угловых и линейных скоростей с эталонным профилем выступает в предлагаемом подходе операциональным критерием «биомеханической ошибки».

Модуль строится как последовательный конвейер, включающий четыре этапа.

1. Захват и предобработка видео. Съёмка ведётся с одной камеры, преимущественно в латеральной проекции. Метрологическая характеризация MediaPipe при оценке угла сгибания колена показала, что именно боковой вид (90°) обеспечивает наименьшее среднее отклонение и дисперсию – (−2,3 ± 6,4)°, тогда как при углах съёмки 45° погрешность заметно возрастает. Отсюда следует, что требование фиксированной боковой позиции камеры является методическим условием, а не просто исследовательским удобством.

2. Оценка позы. Кадры обрабатываются моделью MediaPipe Pose Landmarker, которая извлекает 33 ключевые точки, в том числе координаты в метрическом мировом пространстве. Обращение к мировым координатам принципиально для межсубъектной устойчивости: при переходе к координатам изображения точность анализа движений в кросс-игроковых сценариях существенно падает. Вместе с тем для ударных движений ногой необходимо учитывать, что MediaPipe показывает ограниченное согласие с маркерными системами в большинстве условий, а приемлемое совпадение достигается лишь для отдельных комбинаций сустава, движения и ракурса камеры.

3. Сегментация ударного движения и расчёт кинематических метрик. Автоматическое выделение границ удара опирается на взвешенную оценку скоростей ключевых точек, что позволяет обойтись без ручной разметки. Суставные углы вычисляются через векторные скалярные произведения, угловые скорости – численным дифференцированием временных рядов. Дополнительно определяются вертикальное смещение таза и ОЦМ как прокси-показатель качества переноса веса, а также длительности фаз, поскольку именно фазовый состав отличает квалифицированное исполнение от нестабильного.

4. Сопоставление с эталоном и генерация обратной связи. Рассчитанные временные ряды сравниваются с референсным профилем, построенным по видеозаписям

квалифицированных исполнителей. Отклонения по каждому диагностическому признаку сопоставляются с пороговыми значениями, после чего формируется заключение о наличии ошибки и рекомендация корректирующего характера. Архитектура допускает как отложенный анализ (предпочтительный для образовательного применения), так и потоковую обработку: в системах реального времени для единоборств сообщается о средней обработке кадра порядка 35 мс на обычном оборудовании, что совместимо с обратной связью, не вмешивающейся в естественную моторику[2].

Ключевое инженерное ограничение связано с метрологическими характеристиками MediaPipe. Для угла сгибания колена выявлена систематическая недооценка порядка (−13,9 ± 15,1)° при 95%-ных пределах согласия [−43,5°; 15,5]°. Для угла вальгуса колена при одноопорном приземлении ошибка MediaPipe относительно трёхмерного анализа составляет 18,83-19,68°, хотя внутренняя и межэкспертная надёжность остаётся умеренной или приемлемой. Следовательно, модуль не может позиционироваться как замена лабораторному анализу: его назначение – скрининговая оценка и относительное сравнение исполнителей в динамике, а не абсолютная угловая диагностика. Второе ограничение – чувствительность к условиям съёмки. Геометрия ракурса и одежда значимо влияют на стабильность оценок: облегающая одежда даёт более устойчивые результаты, чем свободная против большей дисперсии при шортах в той же латеральной проекции. Освещение также вносит вклад в систематические смещения, зависящие от алгоритма. Для образовательной практики это означает необходимость стандартизации процедуры видеозаписи – фиксированная позиция камеры, единые требования к экипировке, контроль освещения, – что само по себе дисциплинирует педагогический контроль и делает его воспроизводимым.

Третье ограничение носит педагогический характер. Модуль не заменяет преподавателя, а переводит часть функции контроля в объективный количественный формат. Валидация подобных систем на обучающихся показывает рост экспертной оценки качества движения с 72,4 до 84,6 балла после

использования модуля коррекции, что свидетельствует о реальном педагогическом эффекте при условии интерпретируемости обратной связи. В массовом тренировочном процессе это частично решает проблему дефицита квалифицированного тренерского внимания, но требует, чтобы рекомендации модуля формулировались на языке педагогических задач, а не только в виде числовых отклонений[3].

Предложенная архитектура демонстрирует принципиальную реализуемость безмаркерного анализа биомеханических ошибок в муайтай на доступном программном и аппаратном стеке. Дальнейшая работа должна включать эмпирическую валидацию модуля на выборке спортсменов разной квалификации с параллельной регистрацией эталонной системой, а также оценку педагогической эффективности в условиях тренировочного процесса.

Список использованных источников и литературы:

[1] Литвиненко Ю., Беленко С. Биомеханические особенности техники ударных действий в тайском боксе спортсменами различной квалификации // Теория и методика физического воспитания и спорта. – 2013. – №2. – С. 118-121.

[2] Кулик Р.С. Разработка мобильного приложения для анализа боксерских тренировок на основе методов компьютерного зрения // Молодой ученый. – 2026. – №24 (627). – С. 26-29.

[3] Шрайнер Б.А., Жомин К.М. Применение технологий компьютерного зрения в оздоровительной физической культуре // Вестник педагогических инноваций. – 2024. – №3. – С. 122-135.

© В.В. Рыбников, В.В. Рыбников, 2026

Д.А. Сороковова,
студент 3 курса
напр. «Лингвистика»,
У.В. Румянцева,
студент 3 курса
напр. «Лингвистика»,
науч. рук.: ***И.Е. Брыксина,***
к.п.н., доц.,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: данная статья посвящена анализу невербальных средств делового общения в английской и французской культурах. Рассматриваются возможности и ограничения инструментов искусственного интеллекта в распознавании невербальных сигналов в кросс-культурном деловом контексте.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, деловое общение, английский язык, французский язык, межкультурная коммуникация, искусственный интеллект.

В эпоху глобализации эффективность делового взаимодействия между представителями разных культур определяется способностью участников корректно интерпретировать невербальные сигналы партнёра наряду с уровнем владения иностранным языком. Жесты, мимика, зрительный контакт и личное пространство являются критически важными компонентами деловой коммуникации, поскольку они способны как подтверждать, так и искажать смысл сообщения. Эта сложность особенно ярко проявляется при взаимодействии английской и французской деловых культур, где невербальные коды демонстрируют значительные

различия.

Прежде всего, стоит отметить, что основное отличие этих деловых культур кроется в степени контекстуальности. Французская культура считается высококонтекстной, где значительная часть смысла передается через невербальные сигналы, такие как социальное положение, возраст, внешний вид и иерархические отношения [1]. В таком общении важны намеки и скрытая информация, а слова несут лишь малую долю смысла. Английская же культура, по классификации Э. Холла, является низкоконтекстной. Здесь сообщения выражаются прямо, мысли формулируются полно и даже многословно, а основная информация содержится в самих словах [1]. Это приводит к тому, что один и тот же невербальный сигнал, например, жест или пауза, может быть интерпретирован французом и англичанином совершенно по-разному.

Различия в проявлениях невербальной коммуникации можно также заметить на уровне привлечения внимания. Исследователи И.Е. Брыксина, Д.П. Лопоухов и И.С. Голыбина отмечают, что в США принято подзывать официанта, плавно поднимая указательный палец руки вверх и сказав «waiter» или «excuse me», а в странах Европы, в том числе и Франции, слегка постукивают ложкой по стакану [1].

При обсуждении аспекта мимики следует учитывать, что культурные нормы этикета по-разному трактуют одни и те же жесты. Американцы различают формальную, деловую и искреннюю улыбку, при этом широкая улыбка с демонстрацией зубов считается признаком уверенности и успеха [1]. Следует отметить, что англичане, склонные к эмоциональной сдержанности, улыбаются редко. Французы, в свою очередь, видят в улыбке проявление галантности и жизнерадостности, что подчеркивает их национальный имидж [1]. Таким образом, сдержанная английская улыбка может быть воспринята французом как холодность, что следует учитывать при межкультурном взаимодействии во избежание коммуникативной неудачи.

Несмотря на значительный уровень владения иностранным языком, участники деловых переговоров могут столкнуться с коммуникативными препятствиями.

Исследователи А.А. Корякина и Н.М. Гоголева выделяют шесть основных категорий таких барьеров: тревогу, предположение о сходстве вместо различия, этноцентризм, стереотипы и предубеждения, язык и неверную невербальную интерпретацию [2]. Указанные препятствия имеют универсальный характер, поскольку они негативно сказываются на качестве межличностного взаимодействия, порождают искажения в понимании и сужают горизонты познания других культур. Более того, индивид, сталкиваясь с информацией, противоречащей его устоявшимся представлениям, может полностью ее игнорировать [2]. Следовательно, ошибки в интерпретации невербальных сигналов представляют собой серьёзные препятствия для эффективного делового общения, и целенаправленное обучение работе с невербальным аспектом должно стать обязательной частью подготовки коммуникантов. В связи с этим возникает необходимость в поиске инструментов, способных оптимизировать этот процесс; одним из потенциальных инструментов рассматривается искусственный интеллект (ИИ).

Согласно исследованию Y. Yang, современные мультимодальные модели нейросетей, анализирующие текст, звук и изображение, уже умеют определять коммуникативные цели и предсказывать возможные недопонимания в международном деловом общении [3]. Автор подчеркивает, что невербальные сигналы оказываются более значимыми для выявления сбоев в коммуникации, чем для понимания базовых намерений. Система, предложенная в исследовании, демонстрирует высокую точность (71,6% F1) в прогнозировании таких сбоев, что подчеркивает критическую роль невербальных аспектов для успешного ведения бизнеса [3]. Автор справедливо отмечает, что невербальные модальности играют бóльшую роль в обнаружении коммуникативных сбоев, чем в распознавании простых. Предложенная система достигает 71,6% F1 в предсказании сбоев, что подтверждает важность невербальных каналов для достижения делового успеха [3].

Важно отметить, что эмпирические данные также свидетельствуют о наличии устойчивых ошибок инструментов ИИ в интерпретации невербальных сигналов в межкультурной

среде. Так, в работе A. Yerukola, S. Gabriel, N. Peng и M. Sap на материале корпуса, включающего 288 случаев соотношения жеста и страны, показано, что нейросети лучше распознают оскорбительные жесты в контексте США, чем в других культурах [4]. В исследовании показателен пример с жестом «перекрещенные пальцы», который в США является символом удачи, но во Вьетнаме может быть истолкован как оскорбление, однако нейросеть этого не учитывает [4]. Современные модели ИИ, будучи обученными на американских данных, не способны адекватно интерпретировать невербальные сигналы в других культурных средах, включая специфику делового этикета в англоязычных и франкоязычных странах.

Таким образом, различия в невербальном общении между английской и французской деловыми культурами создают значительные препятствия для эффективного взаимодействия. Хотя современные системы искусственного интеллекта могут распознавать невербальные сигналы, их культурная ограниченность не позволяет полностью преодолеть эти барьеры. Поэтому инструменты ИИ могут служить лишь дополнением, требующим человеческой оценки, а освоение невербальных аспектов делового общения должно оставаться приоритетом в обучении. Будущее развитие нейросетей в этой сфере зависит от их способности адаптироваться к культурным особенностям невербальной коммуникации и преодолевать существующие ограничения.

Список использованных источников и литературы:

[1] Брыксина И.Е., Лопоухов Д.П., Голыбина И.С. Роль невербального общения в английском, французском и китайском языках в формировании успешной межкультурной коммуникации // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы. Тамбов: Издательский дом «Державинский, 2023. – С. 211-214

[2] Корякина А. А., Гоголева Н. М. Барьеры межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования, 2023. – №. 79-2. – С. 167-169.

[3] Yang Y. Multimodal deep learning for cross-cultural business communication intent understanding and pragmatic failure

prediction: a knowledge-graph-enhanced approach //Scientific Reports, 2026. DOI: 10.1038/s41598-026-66272-z.

[4] Yerukola A., Gabriel S., Peng N., Sap M. Mind the gesture: Evaluating AI sensitivity to culturally offensive non-verbal gestures // Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers), 2025. – С. 25041-25080.

© Д.А. Сороковова, У.В. Румянцева, 2026

Е.С. Ефременко,
доцент, к.м.н., профессор
кафедры биохимии,
Омский государственный
медицинский университет,
г. Омск, Российская Федерация

УРОВЕНЬ ТРИГЛИЦЕРИДОВ В КРОВИ ПРИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Аннотация: развитие клинических проявлений новой коронавирусной инфекции сопряжено с различными метаболическими сдвигами. Одними из наиболее распространенных нарушений обмена веществ являются изменения липидного обмена. Начальные представления о состоянии обмена липидов базируются на лабораторной оценке уровня триглицеридов в крови. Предполагается, что коронавирусная инфекция может быть ассоциирована с формированием повышенного уровня триглицеридов в крови.

Ключевые слова: COVID-19, триглицериды, ТАГ, биохимия, метаболизм, липиды.

Цель работы – анализ литературных сведений о содержании триглицеридов в крови при COVID-19 для формирования представлений о диагностической и прогностической значимости данного биохимического показателя.

Материалы и методы: С использованием метода контент-анализа было проведено изучение публикаций баз научных данных e-library и PubMed, посвященных исследованию нарушений обмена липидов при новой коронавирусной инфекции.

Результаты и их обсуждение. Анализ литературных сведений показал, что согласно данным Zuin M. et al. (2021), процент выявления нарушений липидного обмена среди пациентов с COVID-19 может достигать двадцати [9].

Результаты исследований Софроновой С.И. с соавт. (2022) выявили, что повышенный уровень триглицеридов в крови взаимосвязан с более высокой тяжестью проявлений инфекции, вызванной SARS-CoV-2. Увеличение степени тяжести может быть во многом обусловлено формированием выраженной эндотелиальной дисфункции при коронавирусном поражении [2].

В свою очередь, в работе Kim J. et al. (2012) было установлено, что высокое содержание триглицеридов существенно потенциирует поражение структур стенки кровеносных сосудов [5].

Как составная часть индекса AIP (Atherogenic Index of Plasma), который представляет собой отношение уровня триацилглицеролов к содержанию холестерина в липопротеинах высокой плотности, триглицериды рассматриваются в качестве предиктора неблагоприятного прогноза у пациентов с новой коронавирусной инфекцией. По информации, представленной Turgay Y. et al. (2021), данный параметр существенно повышен у больных COVID-19, которым требовалась интенсивная терапия и интубационные мероприятия [8].

По мнению Карасевой А.А. с соавт. (2022), гипертриглицеридемию можно рассматривать в ракурсе критерия для оценки тяжести коронавирусной инфекции. По-видимому, указанное заключение определяется тем, что авторы выявили статистически значимое увеличение содержания триглицеридов в крови больных с тяжелыми проявлениями болезни по сравнению с группой пациентов, у которых отмечалось легкое или среднетяжелое течение [1].

Masana L. et al. (2021) был проанализирован уровень триглицеридов для прогнозирования течения COVID-19 (тяжелое или легкое течение). У пациентов с тяжелым течением COVID-19 до заражения был более высокий уровень триглицеридов. Липидный профиль, измеренный во время госпитализации, также показал, что тяжелый исход был связан с более высокими уровнями триглицеридов. Также концентрация триглицеридов коррелировала с уровнями ферритина и D-димера, но не с уровнем С-реактивного белка.

Авторами показано, что высокие концентрации

триглицеридов, измеренные до или во время госпитализации, являются надежными предикторами тяжелого течения заболевания, а липидный профиль следует рассматривать как чувствительный маркер воспаления, и его следует оценивать у пациентов с COVID-19 [7].

Kaddoura et al. (2024) провели ретроспективное, наблюдательное, когортное исследование взрослых пациентов, которые были госпитализированы в отделение интенсивной терапии с подтвержденным диагнозом COVID-19 в соответствии с критериями Всемирной организации здравоохранения. Гипертриглицеридемию определяли как уровень триглицеридов 1,7 ммоль/л, а тяжелую гипертриглицеридемию – как уровень натощак более 5,6 ммоль/л.

В 82,3% случаев была зарегистрирована гипертриглицеридемия. У пациентов с гипертриглицеридемией было значительно увеличено время до выздоровления от COVID-19, а также длительность пребывания в отделении интенсивной терапии и стационаре. Авторы заключают, что гипертриглицеридемия, связанная с COVID-19, не влияет на смертность, но увеличивает продолжительность пребывания в стационаре [4].

Aydın S. et al. (2022) показано, что низкий уровень триглицеридов (менее 1,4 ммоль/л) связан с низким риском смерти. Также анализ международного регистра АКТИВ, проведенный Арутюновым Г.П. с соавт. (2022) установил, что для умерших не характерен низкий уровень триглицеридов. Указанные данные препятствуют возможности взаимосвязи снижения содержания триглицеридов с негативным прогнозом при COVID-19 [3].

В тоже время, Mahat R. et al. (2021) выявили, что у пациентов с тяжелой степенью COVID-19 определяются более низкие уровни триглицеридов. Более того, исследователями подтвержден более низкий уровень триглицеридов при летальном исходе, чем в случае выживания пациентов [6].

Вывод. Таким образом, имеется определенная противоречивость данных относительно уровня триглицеридов при новой коронавирусной инфекции, что требует уточнения

молекулярных механизмов формирования изменений их содержания в крови.

Список использованных источников и литературы:

[1] Карасева А.А. Ассоциации изменений параметров липидного обмена и тяжести перенесенной инфекции COVID-19 у жителей Г. Новосибирска / А.А. Карасева, Н.Е. Евдокимова, Е.В. Стрюкова [и др.] // Российский кардиологический журнал. – 2022. – Т. 27, №9. – С. 31-36.

[2] Софронова С.И. Кардиометаболические нарушения в постковидном периоде у жителей г. Якутска / С.И. Софронова, А.Н. Романова, В.М. Николаев, Л.Д. Олесова // Якутский медицинский журнал. – 2022. – №3(79). – С. 61-65.

[3] Aydın S., Aksakal E., Aydınyılmaz F. Relationship Between Blood Lipid Levels and Mortality in Hospitalized COVID-19 Patients // Angiology. – 2023. – P. 33197211072346.

[4] Kaddoura R., Mohamed Ibrahim M., Al-Amri M., Prabhakaran Nair A., Alharafsheh A., Alyafei S., Albakri M. COVID-19-associated hypertriglyceridemia and impact of treatment // Front. Med. (Lausanne). – 2024. – Vol. 11. – P. 1326156.

[5] Kim J., Montagnani M., Chandrasekran S., Quon M. Role of lipotoxicity in endothelial dysfunction // Heart Fail. Clin. – 2012. – Vol. 8 (4). – P. 589-607.

[6] Mahat R., Rathore V., Singh N. Lipid profile as an indicator of COVID-19 severity: a systematic review and meta-analysis // Clin. Nutr. ESPEN. – 2021. – Vol. 45. – P. 91-101.

[7] Masana L., Correig E, Ibarretxe D., Anoro E., Arroyo J., Jericó C, Guerrero C., Miret M., Näf S., Pardo A., Perea V., Pérez-Bernalte R.., Plana N, Ramírez-Montesinos R., Royuela M., Soler C., Urquizu-Padilla M., Zamora A., Pedro-Botet J. Low HDL and high triglycerides predict COVID-19 severity. // Sci. Rep. – 2021. – Vol. 11 (1). – P. 7217.

[8] Turgay Yıldırım Ö., Kaya Ş. The atherogenic index of plasma as a predictor of mortality in patients with COVID-19 // Heart Lung. – 2021. – Vol. 50 (2). – P. 329-333.

[9] Zuin M., Rigatelli G., Bilato C., Cervellati C., Zuliani G., Roncon L. Prognostic role of metabolic syndrome in COVID-19 patients: a systematic review meta-analysis // Viruses. – 2021. – Vol.

13 (10). – P. 1938.

© Е.С. Ефременко, 2026

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Л.А. Муравьёва,
магистрант 3 курса
напр. «Дирижирование»,
науч. рук.: ***А.В. Макина,***
канд.иск., доц.,
ПГИК,
г. Пермь, Российская Федерация

БЕСТЕКСТОВЫЕ ХОРОВЫЕ СОЧИНЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX-XXI ВЕКОВ

Аннотация: в данной статье представлен анализ одной из современных тенденций в хоровом исполнительстве второй половины XX – XXI веков, а именно бесстекстовых хоровых сочинений. Авангардная музыка второй половины XX века начинает активно получать теоретическое осмысление. Поэтому обращение к данной теме сохраняет актуальность в данное время и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: бесстекстовые жанры, расширение вокальной техники, хоровая фонетика.

Хоровое искусство на протяжении многих столетий развивалось в тесной взаимосвязи со словом. Литературный, богослужебный или поэтический текст традиционно являлся одной из важнейших основ хорового произведения, определяя его содержание, образную сферу, структуру, характер интонационного развития и особенности исполнительской интерпретации. Именно благодаря соединению музыки и слова хоровая культура сформировала огромное разнообразие жанров – от духовных песнопений, мотетов и месс до кантат, ораторий, хоровых миниатюр и крупных концертных циклов. В этой связи появление и активное развитие произведений, в которых словесный текст отсутствует или утрачивает своё первоначальное смысловое значение, представляет особый интерес для современного музыкознания и исполнительской практики.

Во второй половине XX века процессы обновления музыкального языка затронули практически все области академической музыки. Композиторы стремились расширить представления о природе музыкального звука, искали новые формы организации музыкальной ткани, обращались к необычным тембровым сочетаниям и экспериментировали с возможностями традиционных инструментов. В этот период значительно изменилось и отношение к человеческому голосу. Если ранее вокальная партия в большинстве случаев была непосредственно связана с передачей словесного текста, то во второй половине XX столетия голос всё чаще начинает рассматриваться как самостоятельный звуковой и тембровый инструмент.

Бестекстовая хоровая музыка представляет особый пласт современной музыкальной культуры. В данных произведениях голос рассматривается не только как носитель слова и конкретного смыслового содержания, но и как самостоятельный музыкальный инструмент, обладающий широкими тембровыми, артикуляционными, динамическими и сонорными возможностями. Композиторы используют пение на отдельных гласных и слогах, фонемы, различные речевые и шумовые приёмы, шёпот, дыхательные эффекты, глиссандо, кластерные созвучия и другие способы звукоизвлечения. Благодаря этому хоровое звучание приобретает новые краски, а музыкальная выразительность формируется преимущественно посредством тембра, фактуры, ритма, динамики, гармонии и пространственной организации звука. АО. Гольской и Т.М. Фроловой отмечается «новая трактовка хора как великолепного, богатого тембровыми красками и технически совершенного инструмента» [2].

Интерес к бестекстовым формам хорового исполнительства особенно усилился во второй половине XX века, когда в музыке получили развитие сонористика, алеаторика и разнообразные экспериментальные техники композиции. Поиск новых способов организации музыкального материала закономерно затронул и хоровой жанр. Человеческий голос стал восприниматься композиторами как универсальный источник звука, способный выполнять не только мелодическую

и речевую, но также тембровую, шумовую, ритмическую и пространственную функции.

Особенность бестекстовых произведений заключается в том, что художественный смысл в них формируется преимущественно музыкальными средствами. Если в традиционном вокально-хоровом сочинении слово способно прямо обозначить состояние, образ или идею, то в бестекстовой композиции содержание передаётся через характер звучания, динамическое развитие, тембровые изменения, взаимодействие голосов и общее эмоционально-акустическое пространство. Такая музыка требует и от слушателя иного способа восприятия: внимание должно сосредоточиваться не столько на значении слов, сколько на самом звуке, его окраске, движении, плотности и трансформации.

Применительно к хоровому искусству эти тенденции создали условия для существенного расширения его выразительных возможностей. Хор оказался способен не только воспроизводить определённую мелодическую и гармоническую структуру, но и формировать сложную звуковую среду. Использование большого количества индивидуальных голосов позволило композиторам создавать многоуровневые тембровые образования, постепенно изменяющиеся звуковые пласты и разнообразные пространственные эффекты.

Хоровое искусство второй половины XX – XXI веков характеризуется активным поиском новых средств музыкальной выразительности, расширением исполнительских возможностей человеческого голоса и переосмыслением традиционных принципов хорового письма. Наряду с произведениями, основанными на поэтическом, духовном или литературном тексте, в композиторской практике этого периода значительное место занимают сочинения, в которых вербальное содержание отсутствует либо уступает ведущую роль звуковой стороне вокального исполнения.

Важным аспектом исследования становится определение границ понятия «бестекстовое хоровое сочинение». В работе Ю. И. Паисова «Современная русская хоровая музыка (1945–1980)» рассматриваются процессы обновления музыкального языка и развитие выразительных средств отечественной хоровой музыки

[1]. При характеристике бестекстового хорового произведения необходимо учитывать, что отсутствие связного литературного текста не исключает использования отдельных гласных, согласных, фонем и слогов. В подобных сочинениях эти элементы выполняют преимущественно музыкальную и тембровую функции, становясь частью звуковой организации композиции.

Во второй половине XX – начале XXI века обозначенные тенденции получили дальнейшее развитие. Так, в хоровой балладе «Litene» П. Васкса используются алеаторические движения, сонорные сгущения, шёпот, крики, глиссандо и шумовые эффекты, расширяющие привычные представления о выразительных возможностях хора. М. Титова характеризует музыкальную ткань произведения через сочетание «алеаторического движения, вызывающего формирование сонорных явлений» [4], и звуковых эффектов, включающих крики, свист, речь, гротескный смех и глиссандо. В хоровом творчестве Э. Денисова также сочетаются традиционные и современные приёмы письма. Анализируя его музыкальный язык, С.И. Потапов отмечает использование «сонорных комплексов, где краска-тембр подчас играет большую роль, нежели интонация» [3]. Подобные художественные решения демонстрируют, что отсутствие связного литературного текста или изменение его традиционной роли может становиться важным способом обновления музыкального языка. Одновременно наблюдается взаимодействие академической традиции с элементами джаза, этнической музыки, электронной культуры, минимализма и других направлений. В результате формируются новые типы хорового звучания, в которых отсутствие литературного текста становится не ограничением, а важным художественным принципом.

В хоровой музыке второй половины XX века оформились следующие жанровые разновидности бестекстовых композиций: вокализы – произведения, исполняемые без слов на гласные звуки; бестекстовые хоры с вокализацией на один или несколько слогов – сочинения, в которых используются отдельные слоги, например «ля», «ли», «лю» и другие; хоровое сольфеджио – произведения, в которых слоговые обозначения организованы в

соответствии с высотой музыкальных звуков. В отличие от вокализации на условные слоги, хоровое сольфеджио предполагает упорядоченное соотношение слогов и звуков различной высоты. Данное деление имеет условный характер. Ю.И. Паисов подчёркивает, что «всё более широкое применение [...] форм бестекстового хорового пения свидетельствует о жизненности этой музыки, формирующейся уже в особую жанровую разновидность» [1]. Эта мысль позволяет рассматривать бестекстовое хоровое творчество не как случайное ответвление вокальной музыки, а как самостоятельную область композиторских и исполнительских поисков.

Поэтому изучение бестекстовых хоровых произведений представляет интерес не только с точки зрения истории музыки или анализа композиторских техник, но и с точки зрения исполнительской практики. Понимание закономерностей организации подобной музыки может существенно облегчить работу дирижёра и хорового коллектива над современным репертуаром.

Список использованных источников и литературы:

[1] Паисов Ю.И. Современная русская хоровая музыка (1945-1980): очерки истории и теории. – М.: Советский композитор, 1991. – 278 с.

[2] Гольская А.О., Фролова Т.М. История хоровой музыки: учебно-методический комплекс по специальности 070105 «Дирижирование», специализации «Дирижирование академическим хором». – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2013. –115 с.

[3] Потапов С.И. Хор в творчестве Эдисона Денисова: дис. … канд. искусствоведения: 17.00.02. – М., 2011. – 344 с.

[4] Титова М. Хоровая баллада Петериса Васкса «Litene»: аспекты звуковой и высотной организации // Научный вестник Национальной музыкальной академии Украины имени П.И. Чайковского. – 2023. – №137. – С. 110-120.

© Л.А. Муравьёва, А.В. Макина, 2026

А.А. Ожгихина,
магистрант 2 года обучения
напр. «Психология»,
Л.Ю. Беленкова,
к.псх.н., доцент,
ОЧУ ВО «Московский университет
им. А.С. Грибоедова»,
г. Москва, Российская Федерация

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЖЕНЩИН

Аннотация: в статье исследованы психосоциальные факторы расстройств пищевого поведения (РПП) у женщин: экспериментальная группа с признаками РПП и контрольная без признаков РПП. У женщин с РПП выявлены более высокие уровни перфекционизма, эмоциогенного и ограничительного пищевого поведения, а также более низкие показатели самопринятия и социально-психологической адаптации. Обнаружены значимые связи между неудовлетворённостью образом тела, перфекционизмом, дезадаптивными копинг-стратегиями и склонностью к РПП. Результаты подтверждают ключевую роль психосоциальных факторов в формировании РПП и помогают определить мишени психологической коррекции.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, психосоциальные факторы, образ тела, перфекционизм, самооценка, копинг-стратегии, женщины, психологическая коррекция, эмоциогенное пищевое поведение.

Расстройства пищевого поведения (РПП) представляют собой одну из наиболее распространённых групп психических нарушений в современном обществе. По данным различных исследований, распространённость нервной анорексии колеблется от 0,3 до 1%, нервной булимии – от 0,9 до 1,5% в общей популяции [1]. При этом до 80% женщин демонстрируют

те или иные субклинические нарушения пищевого поведения, не достигающие уровня психиатрического диагноза, но существенно снижающие качество жизни [2]. Женская часть населения оказывается особенно уязвимой: по разным оценкам, РПП встречаются у женщин в 5-10 раз чаще, чем у мужчин [3].

Современная наука рассматривает РПП как многофакторное нарушение, в котором биологические, психологические и социокультурные аспекты тесно переплетаются. Психосоциальная модель возникновения РПП акцентирует внимание на роли социальных стандартов внешности, семейного контекста, особенностей самооценки и перфекционизма в формировании дезадаптивных пищевых стратегий [4]. Социокультуральная теория объясняет нарушенный образ тела как реакцию на недостижимые стандарты внешней привлекательности, транслируемые в средствах массовой информации и социальных сетях [5].

В отечественной и зарубежной литературе накоплен существенный объём данных о взаимосвязи РПП с такими психологическими конструктами, как перфекционизм, нестабильная самооценка, неудовлетворённость образом тела, алекситимия и дезадаптивные копинг-стратегии [6, 7]. Показано, что для женщин с признаками РПП характерна экстернализация самооценки: базовое чувство собственной ценности становится чрезмерно зависимым от показателей массы тела или социального одобрения [8]. Однако остаются недостаточно изученными вопросы о том, какие именно комбинации психосоциальных факторов обладают наибольшей предиктивной силой в отношении возникновения РПП у женщин разного возраста.

Целью исследования является выявление и анализ психосоциальных факторов, способствующих возникновению расстройств пищевого поведения у женщин, а также определение мишеней для психологической коррекции.

Сбор данных проводился в период с января по июнь 2026 года. В исследовании приняли участие 156 женщин в возрасте от 18 до 45 лет (средний возраст M = 27,8; SD = 6,2). На основании результатов теста EAT-26 выборка была разделена на две группы. В основную группу вошли 78 женщин, набравших

20 и более баллов по шкале EAT-26, что указывает на наличие признаков РПП. Контрольную группу составили 78 женщин с показателями ниже 20 баллов, не имеющие клинических признаков РПП. Группы были сопоставимы по возрасту и уровню образования (критерий Манна-Уитни, $p > 0,05$).

Методики исследования: 1. Опросник отношения к приёму пищи (EAT-26) [9]. 2. Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ, Т. Ван Стриен) [10]. 3. Тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеелеев) [11]. 4. Шкала перфекционизма Хьюитта-Флетт (MPS) [12]. 5. Опросник «Способы совладающего поведения» (WCQ, Р. Лазарус) [13]. 6. Шкала социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд) [14]. Статистическая обработка данных проводилась с использованием методов описательной статистики, U-критерия Манна-Уитни для сравнения групп, корреляционного анализа по Спирмену и множественного регрессионного анализа. Уровень статистической значимости принимался при $p < 0,05$.

Сравнительный анализ типов пищевого поведения (DEBQ) показал, что в основной группе достоверно выше показатели эмоциогенного и ограничительного пищевого поведения. Средние значения по всем трём шкалам DEBQ в обеих группах представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ типов пищевого поведения по опроснику DEBQ у женщин основной и контрольной групп (M ± SD)

Шкала DEBQ	**Экспер. группа (n = 78)**	**Контрол. группа (n = 78)**	**U-критерий Манна-Уитни**	**p**
Эмоциогенное пищевое поведение	3,4 ± 0,8	2,1 ± 0,6	1840,5	< 0,001
Ограничительное пищевое поведение	3,1 ± 0,9	2,3 ± 0,7	2015,0	< 0,001

Экстернальное пищевое поведение	3,2 ± 0,7	2,6 ± 0,5	2230,0	< 0,01

Примечание. M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; p – уровень статистической значимости.

Результаты исследования перфекционизма показали, что у женщин основной группы все три субшкалы MPS были значимо выше, чем в контрольной (таблица 2). Наиболее выраженные различия зафиксированы по шкале «Перфекционизм, ориентированный на себя».

Таблица 2 – Сравнительный анализ показателей перфекционизма по шкале MPS у женщин основной и контрольной групп (M ± SD)

Субшкала MPS	**Экспер. группа (n = 78)**	**Контрол. группа (n = 78)**	**U-критерий Манна-Уитни**	**p**
Перфекционизм, ориентированный на себя	64,3 ± 12,5	48,7 ± 11,2	1720,0	< 0,001
Социально предписанный перфекционизм	58,1 ± 13,4	44,2 ± 10,8	1890,0	< 0,001
Перфекционизм, ориентированный на других	52,4 ± 10,7	45,8 ± 9,9	2350,0	< 0,01

Анализ копинг-стратегий продемонстрировал, что женщины основной группы достоверно чаще используют дезадаптивные стратегии совладания. Адаптивные стратегии «Планомерное разрешение проблемы» и «Позитивная переоценка» были значимо ниже в основной группе. Сравнительные данные по копинг-стратегиям представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Сравнительный анализ копинг-стратегий по опроснику WCQ у женщин основной и контрольной групп (M ± SD)

Копинг-стратегия (WCQ)	**Экспер. группа (n = 78)**	**Контрол. группа (n = 78)**	**U-критерий Манна-Уитни**	**p**
Бегство-избегание	14,2 ± 4,3	8,7 ± 3,1	1940,0	< 0,001
Принятие ответственности	12,8 ± 3,7	9,5 ± 2,8	2210,0	< 0,01
Планомерное разрешение проблемы	9,1 ± 3,2	13,4 ± 3,5	2070,0	< 0,001
Позитивная переоценка	10,3 ± 3,8	13,8 ± 3,2	2300,0	< 0,01

Копинг «Бегство-избегание» был значимо выше в основной группе, что может отражать склонность к избеганию проблемных ситуаций. Копинг «Принятие ответственности» также был выше, что может отражать склонность к самообвинению.

По шкале социально-психологической адаптации женщины с признаками РПП показали значимо более низкий общий уровень адаптации. Особенно выраженные различия зафиксированы по шкалам «Эмоциональный комфорт» и «Принятие себя» (таблица 4).

Таблица 4 – Сравнительный анализ показателей социально-психологической адаптации у женщин основной и контрольной групп (M ± SD)

Шкала СПА	**Экспер. группа (n = 78)**	**Контрол. группа (n = 78)**	**U-критерий Манна-Уитни**	**p**
Общий уровень адаптации	44,2 ± 8,7	61,5 ± 7,3	1890,0	< 0,001
Эмоциональный комфорт	38,5 ± 9,1	55,8 ± 8,2	1750,0	< 0,001
Принятие себя	41,3 ± 8,4	58,7 ± 7,6	1980,0	< 0,001

Корреляционный анализ по Спирмену в основной группе выявил систему значимых взаимосвязей между показателями пищевого поведения и психосоциальными факторами (таблица 5).

Таблица 5 – Значимые корреляционные взаимосвязи показателя EAT-26 с психосоциальными факторами в основной группе (коэффициент корреляции Спирмена, n = 78)

Пары переменных	**ρ (Спирмен)**	**p**
EAT-26 ↔ Эмоциогенное пищевое поведение	0,52	< 0,001
EAT-26 ↔ Ограничительное пищевое поведение	0,47	< 0,001
EAT-26 ↔ Перфекционизм, ориентированный на себя	0,45	< 0,001
EAT-26 ↔ Социально предписанный перфекционизм	0,41	< 0,001
EAT-26 ↔ Самопринятие	–0,49	< 0,001
EAT-26 ↔ Самооценка	–0,43	< 0,001
Эмоциогенное поведение ↔ Копинг «Бегство-избегание»	0,38	< 0,01

Ограничительное поведение ↔ Соц. предписанный перфекционизм	0,36	< 0,01
Уровень адаптации ↔ EAT-26	–0,44	< 0,001

Примечание. ρ – коэффициент ранговой корреляции Спирмена; p – уровень статистической значимости.

Выводы по результатам исследования:

1. У женщин с признаками РПП достоверно выше уровни эмоциогенного и ограничительного пищевого поведения, перфекционизма (особенно ориентированного на себя и социально предписанного) и дезадаптивных копинг-стратегий (бегство-избегание, принятие ответственности), а также значимо ниже показатели самопринятия, самооценки и социально-психологической адаптации.

2. Ключевыми психосоциальными предикторами возникновения РПП у женщин являются эмоциогенное пищевое поведение, перфекционизм, ориентированный на себя, низкое самопринятие и копинг-стратегия «Бегство-избегание». Совокупно эти факторы объясняют более 58% дисперсии склонности к РПП.

3. Выявлена система значимых корреляционных связей, подтверждающая, что РПП у женщин формируется в контексте взаимосвязи нарушенного образа тела, перфекционизма, низкой самооценки и неадаптивных способов совладания со стрессом.

4. Полученные данные определяют мишени для психологической коррекции: формирование адаптивных копинг-стратегий, снижение уровня перфекционизма, развитие самопринятия и позитивного образа тела, а также обучение навыкам эмоциональной регуляции без обращения к пищевым стратегиям.

5. Результаты исследования обосновывают целесообразность интеграции когнитивно-поведенческой терапии, работы с образом тела и развития навыков совладания со стрессом в комплексные программы психологической помощи женщинам с РПП.

Список использованных источников и литературы:

[1] Скугаревский О.А. Системный подход к расстройствам пищевого поведения. – М.: ИП Равкина, 2021. – 312 с.

[2] Филатова Ю.В. Оценка психологических особенностей, состава тела и статуса фактического питания женщин с нарушениями пищевого поведения // Ожирение и метаболизм. – 2019. – Т. 16, №1. – С. 15-24.

[3] APA. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (5th ed.). – Washington, DC: APA Publishing, 2022. – 948 p.

[4] Tatlı Ç., Türker P. The Roles of Psychosocial Factors and Nutritional Intervention on Eating Disorders // Süleyman Demirel Üniversitesi Sağlık Bilimleri Dergisi. – 2024. – Vol. 15, No. 2. – P. 309-318.

[5] Панюкова С.В. Социологические факторы возникновения расстройства пищевого поведения // Международный научный журнал. – 2019. – №5. – С. 40-48.

[6] Мясникова О.В., Кузьмина А.С. Особенности социально-психологической адаптации девушек в контексте нарушений пищевого поведения // Медицинская психология в России. – 2021. – Т. 13, №5. – С. 67-78.

[7] Culbert K.M., Racine S.E., Klump K.L. Research Review: What we have learned about the causes of eating disorders – a synthesis of sociocultural, psychological, and biological mechanisms // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2021. – Vol. 62, No. 9. – P. 1057-1072.

[8] Самооценка и образ тела как психологические предикторы нарушений пищевого поведения у женщин: теоретический анализ // Молодой учёный. – 2023. – №6. – С. 145-150.

[9] Garner D.M., Garfinkel P.E. The Eating Attitudes Test: An index of the symptoms of anorexia nervosa // Psychological Medicine. – 1979. – Vol. 9, No. 2. – P. 273-279.

[10] Van Strien T., Frijters J.E.R., Bergers G.P.A., Defares P.B. The Dutch Eating Behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional, and external eating behavior // International Journal of Eating Disorders. – 1986. – Vol. 5, No. 2. –

P. 295-315.

[11] Столин В.В., Пантеелеев С.Р. Тест-опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике. – М.: МГУ, 1988. – С. 14-28.

[12] Hewitt P.L., Flett G.L. Perfectionism in the self and social contexts // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – Vol. 60, No. 3. – P. 456-470.

[13] Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation // The Handbook of Behavioral Medicine. – New York: Guilford Press, 1984. – P. 282-325.

[14] Роджерс К., Даймонд Р. Шкала социально-психологической адаптации. – М.: Психология, 1999. – 45 с.

© А.А. Ожгихина, Л.Ю. Беленкова, 2025

В.А. Чемоданова,
магистрант 2 года обучения
напр. «Психология»,
Б.М. Басангова,
к.пед.н., доцент,
ОЧУ ВО «Московский университет
им. А.С. Грибоедова»,
г. Москва, Российская Федерация

ТИПЫ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ КАК ПРЕДИКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования связи семейного неблагополучия с девиантным поведением подростков. Выявлено, что у подростков из неблагополучных семей выше агрессивность, делинквентное и аддиктивное поведение, ниже волевой контроль и самооценка. Ключевые предикторы девиантного поведения – гипопротекция, эмоциональное отвержение и неустойчивость стиля воспитания. Данные могут быть использованы для психокоррекции семей группы риска.

Ключевые слова: семейное неблагополучие, девиантное поведение, подростковый возраст, стиль семейного воспитания, гипопротекция, эмоциональное отвержение, агрессивность, делинквентное поведение.

Отклоняющееся поведение подростков представляет собой одну из острейших проблем современной психологической науки и практики. Статистические отчёты свидетельствуют о неуклонном росте числа правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, при этом возрастная граница первых девиантных проявлений неуклонно снижается [1]. Многочисленные исследования, выполненные в русле психологии развития и клинической психологии, сходятся в том, что ключевым условием, запускающим механизм формирования поведенческих девиаций, выступает дисфункция семейной системы [2, 3].

Семья, будучи базовым институтом социализации, обеспечивает ребёнку усвоение нравственных ориентиров, социальных эталонов и конструктивных способов преодоления трудностей. В условиях семейного неблагополучия, когда нарушены как эмоциональные, так и дисциплинарные аспекты воспитания, подросток лишается опоры для формирования адаптивных стратегий поведения и начинает осваивать деструктивные паттерны реагирования на стрессовые ситуации [4]. В.М. Целуйко дифференцирует неблагополучные семьи на две большие группы: семьи с открытым неблагополучием (криминальные, асоциальные, педагогически несостоятельные) и семьи со скрытым неблагополучием, где внешнее благополучие маскирует глубокие нарушения эмоциональных связей и воспитательных функций [5]. Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис описали развернутую типологию искажений семейного воспитания, включающую такие формы, как недостаточная протекция, избыточная протекция, эмоциональное неприятие, чрезмерная требовательность и потворствование [6].

Эмпирические данные накопленного корпуса исследований убедительно показывают, что деструктивные паттерны детско-родительского взаимодействия – отвержение, эмоциональная холодность, непоследовательность дисциплинарных мер – выступают мощными факторами риска для нарушений социальной адаптации и формирования устойчивых девиантных тенденций [7]. Установлено, что дефицит родительского надзора обладает более выраженным прогностическим эффектом в отношении асоциального поведения, чем материальное неблагополучие семьи [8]. Ряд авторов документирует прямую связь между характером восприятия подростком родительского стиля и вероятностью вовлечения в агрессивные, саморазрушающие и противоправные формы поведения [9, 10].

Тем не менее в научной литературе недостаточно представлены работы, в которых систематизировано сопоставлялась бы предиктивная значимость различных типов семейного неблагополучия по отношению к отдельным формам девиантного поведения. Кроме того, требует уточнения вопрос о

том, каким образом кумуляция нескольких дисгармоничных паттернов воспитания влияет на степень тяжести поведенческих отклонений.

Цель исследования – определить и сопоставить предиктивный потенциал различных типов семейного неблагополучия в отношении девиантного поведения подростков, а также выделить приоритетные мишени для психокоррекционного вмешательства.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в период с октября 2024 по январь 2025 года на базе центров социально-психологической помощи г. Москвы и Московской области.

Общая численность выборки составила 150 подростков в возрасте от 14 до 16 лет (средний возраст M = 15,0; SD = 1,1). По полу выборка распределилась следующим образом: 79 юношей и 71 девушка. На основании результатов опросника АСВ и заключения психолога-эксперта все участники были разделены на две группы. В экспериментальную группу вошли 75 подростков из семей с диагностированным неблагополучием (выявление трёх и более дисгармоничных паттернов воспитания по АСВ). Контрольную группу составили 75 подростков из функционально благополучных семей. Сравнение групп по возрасту и полу не выявило значимых различий (критерий Манна–Уитни, $p > 0,05$).

Методики исследования:1. Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ; Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис) – [11]; 2. Методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (СОП; А.Н. Орел) – предназначена для выявления предрасположенности [12]; 3. Опросник агрессивности Басса–Дарки [13]. Статистическая обработка результатов осуществлялась с применением пакета SPSS Statistics. Использовались методы описательной статистики (M, SD), U-критерий Манна–Уитни для межгруппового сравнения, ранговый корреляционный анализ по Спирмену и множественный линейный регрессионный анализ. Критический уровень значимости принимался равным $p < 0,05$.

Сравнение показателей склонности к отклоняющемуся поведению (методика СОП) между экспериментальной и контрольной группами выявило выраженные различия по всем

дезадаптивным шкалам (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ показателей склонности к отклоняющемуся поведению (СОП)

Шкала СОП	**Экспер. группа (M ± SD)**	**Контрол. группа (M ± SD)**	**U-критерий**	**p**
Склонность к преодолению норм и правил	55,2 ± 9,1	41,8 ± 7,9	1780,0	< 0,001
Склонность к аддиктивному поведению	49,6 ± 9,4	37,1 ± 7,3	1850,0	< 0,001
Склонность к самоповреждающему поведению	47,3 ± 8,2	35,4 ± 6,8	1740,0	< 0,001
Склонность к агрессии и насилию	54,1 ± 8,8	38,9 ± 7,6	1710,0	< 0,001
Волевой контроль эмоциональных реакций	36,5 ± 7,3	50,2 ± 8,1	1920,0	< 0,001
Склонность к делинквентному поведению	58,7 ± 9,8	39,6 ± 8,2	1645,0	< 0,001

Примечание: M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, U – критерий Манна–Уитни, p – уровень значимости.

Наиболее значительные расхождения зафиксированы по шкалам «Склонность к делинквентному поведению» ($U = 1645{,}0$; $p < 0{,}001$) и «Склонность к агрессии и насилию» ($U = 1710{,}0$; $p < 0{,}001$). Волевой контроль эмоциональных реакций в экспериментальной группе оказался значимо ниже ($U = 1920{,}0$; $p < 0{,}001$), что отражает сниженную способность к произвольной регуляции эмоций у подростков из неблагополучных семей.

Таблица 2 – Сравнительный анализ нарушений семейного воспитания (АСВ)

Шкала АСВ	**Экспер. группа (M ± SD)**	**Контрол. группа (M ± SD)**	**U-критерий**	**p**
Гипопротекция	7,1 ± 2,4	3,0 ± 1,3	1560,0	< 0,001
Гиперпротекция	5,4 ± 2,0	3,6 ± 1,6	2150,0	< 0,01
Потворствование	5,9 ± 1,8	3,2 ± 1,4	1920,0	< 0,001
Эмоциональное отвержение	6,5 ± 2,1	2,5 ± 1,1	1680,0	< 0,001
Чрезмерность санкций	6,1 ± 1,9	3,3 ± 1,3	2010,0	< 0,01
Неустойчивость стиля воспитания	6,3 ± 2,0	2,7 ± 1,2	1790,0	< 0,001
Воспитательная неуверенность	5,6 ± 1,6	3,0 ± 1,2	1980,0	< 0,01
Неразвитость родительских чувств	5,8 ± 1,7	2,6 ± 1,1	1750,0	< 0,001

Примечание: M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, U – критерий Манна–Уитни, p – уровень значимости.

Анализ структуры нарушений семейного воспитания по опроснику АСВ (табл. 2) показал, что в экспериментальной группе значимо преобладают такие воспитательные паттерны, как гипопротекция ($U = 1560,0$; $p < 0,001$), эмоциональное отвержение ($U = 1680,0$; $p < 0,001$), нестабильность воспитательного стиля ($U = 1790,0$; $p < 0,001$) и избыточность санкций ($U = 2010,0$; $p < 0,01$). Вместе с тем гиперпротекция и потворствование также чаще встречались в экспериментальной группе, что отражает характерную для дисфункциональных семей противоречивость воспитательных подходов [14].

Таблица 3 – Сравнительный анализ показателей агрессивности (Басса-Дарки)

Шкала Басса-Дарки	**Экспер. группа (M ± SD)**	**Контрол. группа (M ± SD)**	**U-критерий**	**p**
Физическая агрессия	7,5 ± 2,3	4,0 ± 1,7	1870,0	< 0,001
Косвенная агрессия	5,8 ± 1,9	3,7 ± 1,5	1990,0	< 0,01
Раздражение	6,2 ± 2,0	3,9 ± 1,6	1950,0	< 0,01
Обида	6,7 ± 2,1	3,5 ± 1,4	1810,0	< 0,001
Подозритель-ность	6,4 ± 1,9	3,8 ± 1,5	1890,0	< 0,001
Вербальная агрессия	6,9 ± 2,2	4,3 ± 1,7	1940,0	< 0,01
Чувство вины	6,3 ± 2,0	3,6 ± 1,4	1860,0	< 0,001
Индекс враждебности	27,1 ± 6,3	15,3 ± 4,8	1730,0	< 0,001
Индекс агрессивности	30,4 ± 6,8	18,1 ± 5,3	1770,0	< 0,001

Примечание: M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, U – критерий Манна–Уитни, p – уровень значимости.

Диагностика агрессивности по опроснику Басса–Дарки (табл. 3) продемонстрировала, что подростки экспериментальной группы характеризуются значимо более высокими показателями по всем шкалам агрессивной и враждебной направленности. Особенно выраженными оказались различия по физической агрессии ($U = 1870{,}0$; $p < 0{,}001$), обиде ($U = 1810{,}0$; $p < 0{,}001$) и индексу враждебности ($U = 1730{,}0$; $p < 0{,}001$). Совокупный индекс агрессивности в экспериментальной группе составил 30,4 ± 6,8 против 18,1 ± 5,3 в контрольной ($U = 1770{,}0$; $p < 0{,}001$), что подтверждает данные о выраженной связи семейной дисфункции с агрессивными тенденциями в подростковом возрасте [15].

Корреляционный анализ по Спирмену, проведённый для

экспериментальной группы, позволил выявить систему значимых взаимосвязей между типами семейного неблагополучия и показателями девиантного поведения (табл. 4).

Таблица 4 –. Значимые корреляции между типами семейного неблагополучия и показателями девиантного поведения (n = 75)

Пара переменных	**ρ (Спирмен)**	**p**
Гипопротекция ↔ Склонность к делинквентному поведению	0,49	< 0,001
Эмоциональное отвержение ↔ Агрессия и насилие	0,46	< 0,001
Нестабильность стиля ↔ Склонность к аддиктивному поведению	0,42	< 0,001
Чрезмерность санкций ↔ Физическая агрессия	0,39	< 0,01
Гипопротекция ↔ Склонность к самоповреждающему поведению	0,41	< 0,001
Нестабильность стиля ↔ Низкий волевой контроль	0,37	< 0,01
Неразвитость родительских чувств ↔ Чувство вины	0,35	< 0,01
Потворствование ↔ Склонность к преодолению норм и правил	0,34	< 0,01
Эмоциональное отвержение ↔ Индекс враждебности	0,44	< 0,001
Гипопротекция ↔ Склонность к аддиктивному поведению	0,38	< 0,01

Примечание: ρ – коэффициент корреляции Спирмена, p – уровень значимости.

Нами сформулированы следующие выводы по результатам исследования:

1. Подростки из неблагополучных семей демонстрируют статистически значимо более высокие показатели склонности к делинквентному, аддиктивному, агрессивному и

самоповреждающему поведению, а также значимо более низкий уровень волевого контроля эмоций по сравнению со сверстниками из благополучных семей.

2. Ведущими типами семейного неблагополучия, обладающими наибольшей предиктивной значимостью в отношении девиантного поведения, выступают гипопротекция, эмоциональное отвержение, нестабильность воспитательного стиля и агрессивность. Совокупно эти факторы объясняют 51,3% дисперсии склонности к отклоняющемуся поведению.

3. Корреляционный анализ выявил устойчивую систему взаимосвязей, подтверждающую, что девиантное поведение формируется в контексте комплекса нарушений семейного воспитания – от эмоциональной депривации до непоследовательности дисциплинарных мер.

4. Выявленные закономерности определяют конкретные мишени психокоррекционной работы: преодоление гипопротекции через формирование адекватного родительского надзора, снижение эмоционального отвержения за счёт развития эмпатии и эмоциональной близости, стабилизацию воспитательного стиля, а также работу с агрессивностью и навыками эмоциональной саморегуляции у подростков.

5. Результаты обосновывают целесообразность комплексного подхода, объединяющего семейную терапию, когнитивно-поведенческую коррекцию с подростками и тренинг родительской компетентности в единую программу профилактики девиантного поведения.

Список использованных источников и литературы:

[1] Антонян Ю.М. Преступность подростков: криминологический и психологический анализ. – М.: Юрайт, 2022. – 296 с.

[2] Змановская Е.В. Девиантология: учебное пособие. – 5-е изд., перераб. – М.: Академия, 2023. – 304 с.

[3] Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2024. – 208 с.

[4] Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. – М.: Эксмо, 2021. – 416 с.

[5] Целуйко В.М. Неблагополучные семьи и работа с ними

// Народное образование. – 2020. – №6. – С. 78-85.

[6] Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2022. – 672 с.

[7] Литвиненко И.В. Семья как фактор риска и ресурс профилактики девиантного поведения // Психология и право. – 2024. – Т. 14, №2. – С. 45-60.

[8] Польская Н.А. Риск девиантной социализации подростка: диагностика и профилактика // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, №4. – С. 67-78.

[9] Кузнецова Е.В., Шпагина Л.Э. Связь восприятия подростками стиля родительского воспитания со склонностью к девиантному поведению // Вестник практической психологии образования. – 2021. – Т. 18, №3. – С. 74-83.

[10] Осипова О.А., Дышлюк Л.Ю. Исследование взаимосвязи стилей родительского отношения и девиантного поведения подростков // Психология и социум. – 2023. – №9. – С. 112-120.

[11] Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Анализ семейных взаимоотношений: руководство по диагностике. – М.: Психотерапия, 2019. – 432 с.

[12] Орел А.Н. Методика определения склонности к отклоняющемуся поведению: практикум. – М.: МГУ, 2020. – 68 с.

[13] Басс А., Дарки Р. Опросник агрессивности // Практикум по психодиагностике. – СПб.: Питер, 2021. – С. 88-101.

[14] Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебник. – М.: Медпресс-информ, 2022. – 432 с.

[15] Гребенников Ю.Л., Орлова Е.А. Аутоагрессивное поведение подростка как маркер семейного неблагополучия // Национальная ассоциация учёных. – 2020. – №51. – С. 57-59.

© В.А Чемоданова, Б.М. Басангова, 2026